

Однажды я станцюю для тебя

Автор:

[Аньес Мартен-Люган](#)

Однажды я станцюю для тебя

Аньес Мартен-Люган

Счастливые люди

Аньес Мартен-Люган – автор мировых бестселлеров о любви, в том числе нашумевшего романа “Счастливые люди читают книжки и пьют кофе”, который сделал ее знаменитой. Книги Мартен-Люган переведены почти на сорок языков, в одной только Франции продажи превысили два миллиона экземпляров.

“Однажды я станцюю для тебя” – ее шестая по счету романтическая история. Талантливая танцовщица Ортанс делит свое время между балетной школой, где она преподает, и непростыми отношениями с женатым мужчиной. Безумная любовь и увлечение работой не оставляют места для мыслей о будущем. Из-за травмы ноги Ортанс на время лечения уезжает из Парижа в Прованс. Там, в родительском доме, ее ждет новая жизнь, и она наконец задумывается о том, можно ли быть счастливой, обманывая себя.

Аньес Мартен-Люган

Однажды я станцюю для тебя

Гийому, Симону-Адероу и Реми-Тарику, озаряющим мою жизнь

Непреднамеренные на вид действия оказываются <...> вполне мотивированными и детерминированными скрытыми от сознания мотивами[1 -

Зигмунд Фрейд. Психопатология обыденной жизни. Перевод под ред. М. Терешинной. (Здесь и далее – прим. перев.)].

Зигмунд Фрейд

After We Meet

I Have a Tribe[2 - Псевдоним ирландского музыканта Патрика О'Лири.]

Agn?s Martin-Lugard

? la lumi?re du petit matin

Фотография на обложке Daniela Spector

Художественное оформление и макет Андрея Бондаренко

© Editions Michel Lafon, 2018

© Н. Добробабенко, перевод на русский язык, 2019

© А. Бондаренко, художественное оформление, макет, 2019

© ООО “Издательство Аст”, 2019

Издательство CORPUS ®

Глава первая

Четыре года прошло. Четыре года с тех пор, как их не стало. Родители бросили меня четыре года назад. Сегодня, в один из последних дней февраля, как и четыре года подряд, я пришла и села на скамью из кованого железа напротив оливы, которую мама так любила. Все четыре последних года я прихожу сюда, чтобы высказать свое горе и гнев. А заодно и прощение. Если честно, как можно злиться и обижаться на самых потрясающих людей, с которыми мне довелось встретиться?

В моей бесконечной любви к родителям ничего необычного. Помню, слышу, как мама повторяет, что я – их маленькое чудо. Родители безумно любили друг друга, и им долго хватало жизни вдвоем. Но все же однажды они захотели увеличить число обитателей своей любовной башни из слоновой кости. Жизнь припасла для них сюрпризы – как хорошие, так и плохие. Обзавестись ребенком у них не получалось, но эта трудность не отдала их друг от друга, а, наоборот, сблизила. Они всячески поддерживали легенду, согласно которой я в конце концов выглянула на свет божий благодаря их силе духа. Впрочем, какая разница, почему я существую уже тридцать девять лет. Когда это случилось, они легко и естественно перешли от дуэта к трио. Меня баловали, любили, воспитывали, хвалили, временами ругали. Они дали мне все, чтобы я могла двигаться по жизни правильным путем. Я росла в счастливом доме, где моих друзей встречали с распростертыми объятиями. Благодаря родителям и той свободе мыслей, которой они меня наделили, я могла себя искать, себя найти и понять, кем хочу стать. И вот однажды они узнали, что какая-то дрянь пожирает мамины нейроны один за другим. Скоро мама не будет никого помнить, даже

забудет, кто она такая. Желая меня оградить, они, естественно, скрыли это и превратились в замечательных актеров. Мама всегда была рассеянной, а папа, когда я приезжала, все время оставался начеку, так что я долго ничего не замечала. Я жила далеко от них, в Париже, и когда я навещала их в доме в Провансе, они делали все, чтобы сберечь свою тайну. Кто-то скажет, что я была недостаточно внимательной, и, возможно, это правда, но даже если бы я заподозрила неладное, ничто не остановило бы адский водоворот, в который их затянуло. Я поняла это, читая их письмо. В нескольких строчках, которые теперь обратились в пепел вместе с ними, они извинялись за страдания, которые причинят мне, однако, утверждали они, им также известно, что останься один из них на свете в одиночестве, этот оставшийся принес бы мне еще больше мучений. Они просили у меня прощения за эгоизм влюбленных. Их любовь все смела на своем пути, включая единственную дочь.

– Ортанс?

Улыбка осветила мое лицо – я услышала нежный голос Кати, моей лучшей подруги, сестры, которой у меня в семье не было и которую я встретила на своем первом уроке танцев тридцать пять лет назад. Я оглянулась – она приближалась, поеживаясь в толстой шерстяной куртке. И кто сказал, что в Провансе всегда хорошая погода? Сейчас она в точности соответствовала моему печальному настрою: пасмурно, ледяной мистраль пробирает до костей. Я уговорила Кати сесть на скамейку рядом со мной. Она осторожно присела на краешек, взяла меня за руку и, как я, стала неотрывно смотреть на оливу.

– Жаль, что ты не можешь остаться еще на день-другой, – прошептала она. – Ты так редко к нам приезжаешь...

Я тяжело вздохнула, меня накрыла новая волна грусти.

– Согласна, мне тоже недостает нашего общения. Но ты же знаешь, я приезжаю только на свидание с папой и мамой, я не могу отсутствовать дольше.

– Что ж, это хороший признак. Значит, в школе полный набор?!

– Похоже, да.

– Тебе известно, когда ты приедешь этим летом?

– Точно пока не знаю, но не позднее уикенда Четырнадцатого июля. В ближайшие дни начну подготовку к летнему курсу и запущу бронирование комнат в моем доме.

Я отказалась расставаться с родительским домом возле деревушки Боньё, расположенной высоко на одном из склонов Люберона. Когда-то, когда они окончательно перестали надеяться на рождение ребенка, родители вложили все накопленные деньги в эту развалюху, требовавшую восстановления, – старую ферму, которую они шутливо окрестили “Бастидой” [З - От франц. la bastide – старое название усадебного дома в Провансе, а также укрепленный средневековый город на юго-западе Франции.], – решили уехать из города и поселились там. Этот безумный проект должен был стать их младенцем, но вскоре им и впрямь понадобилось греть бутылочки с молоком и менять подгузники. Все мои воспоминания, связанные с ними и с Кати, относились к этим местам. А когда папе стало ясно, что дочь раз и навсегда подчинилась одной-единственной страсти, он отремонтировал старый, на тот момент пустовавший сарай и превратил его в репетиционный зал ничуть не хуже тех, где занимаются танцоры-профессионалы. Самоубийство родителей в собственном доме не повлияло на мою привязанность к этим стенам. Здесь они любили друг друга, здесь они зачали меня, здесь они любили меня, а их прах покоится у подножия их оливкового дерева. Разве могла я даже мысль допустить, что эта земля и эти камни перейдут в чужие руки?

– Ты проверила дом? – спросила Кати. – Все в порядке?

Всякий раз, когда в феврале я приезжала на встречу с родительской оливой, она и ее муж Матье принимали меня в своем деревенском домике. Было бы нелепо да и слишком сложно открывать “Бастиду”, чтобы пожить там сутки или двое. Я обожала минуты, проведенные у них, наполненные безмятежностью, покоем и душевным теплом. Оба они были наделены талантом делать добро – каким-то жестом, маленьким знаком внимания, скромным и не показным, они возвращали радость самым подавленным и печальным. Пять лет назад у них родился сын, но это никак не изменило их поведение: открытость и щедрость по отношению к

тем, кого они любят, стали только заметнее. Я блаженствовала, слушая рассказы об их простой, естественной жизни, которая была для меня воплощением чистоты. Кати занималась пчеловодством, а у Матье было собственное предприятие по уходу за деревьями и кустарниками.

- Мне кажется, "Бастида" хорошо переносит зиму, - ответила я.

- Ты знаешь свой дом... Как только потеплеет, мы будем регулярно открывать его и проветривать.

- Большое спасибо, но вы и так очень заняты. Не тратьте время...

- Мы это делаем с удовольствием, пора бы уже усвоить.

Она встала и протянула руку, чтобы помочь мне тоже подняться.

- Если не хочешь опоздать на поезд, пора идти.

Я вдохнула полные легкие воздуха, чтобы набраться храбрости, потом отпустила ее руку и подошла попрощаться к оливе. Я погладила ладонью кору и прижалась к стволу щекой:

- Я люблю вас, папа и мама. До лета...

По дороге мы с Кати болтали не переставая. Такая себе женская трескотня, чтобы заглушить тоску, заставить отступить пустоту, которая грозила вот-вот накрыть нас. У нас был свой ритуал - мы чирикаем вплоть до выезда со скоростного шоссе. При подъезде к вокзалу, на последних нескольких сотнях метров перед неизбежным расставанием, в машине воцаряется глухая тишина. Кати останавливается рядом с прокатными автомобилями и не выключает двигатель, я выхожу одна, она никогда не провожает меня до платформы - ни она, ни я не хотим лить слезы на людях. Я говорю ей: "Спасибо, поцелуй Матье и береги себя", она мне отвечает: "Рада была повидать тебя, поцелуй Эмерика, Сандро и Бертий и займись собой наконец-то, черт возьми". Последний поцелуй в щеку, и я выхожу из автомобиля. Перед тем как войти в здание вокзала, я

оборачиваюсь, машу ей, улыбаюсь, а она, отъезжая, жмет на гудок. И только после этого на меня наваливается свинцовая плита, и я живо представляю себе, как Кати смаргивает слезы. Проходили годы, я окончательно уехала отсюда больше пятнадцати лет назад, жизнь в Париже дарила мне радость, счастье и профессиональное удовлетворение. Прежняя привязанность к родному Люберону никуда не делась, но мне бы никогда не пришло в голову покинуть столицу – ее кипящий бурной деятельностью муравейник, ее огни, звуки, зрелища, ночная жизнь покорили меня. И все-таки при каждом отъезде из Прованса душа рвалась на части, в горле появлялся комок и накатывало чувство одиночества. Напоминала о себе вечная брешь в груди, которая никогда не заполнится и к которой смерть родителей не имела никакого отношения. Эта брешь захлопывалась сама собой, как только я ступала на платформу Лионского вокзала, тут меня втягивал круговорот моего существования, настроение резко улучшалось – я была счастлива вернуться в свою школу.

Да, мы были по-прежнему уверены, что идейным руководителем танцевальной школы остается наш наставник Огюст, однако вот уже пять лет, как ею занимались мы с Сандро и Бертий. В двадцать пять я закончила многолетние выступления на разных сценах – маленьких, средних, но никогда не на больших. Я была недостаточно серьезной и дисциплинированной, чтобы удостоиться доступа к этому святому Граалю. Когда после нескончаемых занятий в балетном училище меня от них начало тошнить, я решила путешествовать, получать удовольствие от молодости, заниматься тем и сем, без сожаления захлопнув за собой двери классического танца. Понадобились все более обеспокоенные взгляды родителей, опасавшихся за мое будущее, чтобы я признала очевидное и взялась за ум. Если я буду и дальше вести себя как вечный подросток, я никогда ничего не выстрою. Пора повзрослеть и чего-то добиться, чтобы они гордились мной. Я постаралась понять, способна ли моя страсть дать мне средства к существованию или, к сожалению, придется расстаться с ней. Для этого я пришла на просмотр к Огюсту, о котором мне было известно, что он жесткий, но справедливый. Более двадцати лет он руководил престижной танцевальной школой, после чего решил отдать свои силы исключительно подранкам, нонконформистам, ученикам, которые не вписывались в общепринятые стандарты, и помочь им раскрыть себя. На показе стресс уничтожил все результаты упорных репетиций, и мое выступление обернулось полным фиаско. Тем не менее он взял меня на свой курс. Вот так я и познакомилась с теми, кто станет потом моими партнерами, с Сандро и Бертий.

Сандро тогда только-только прилетел из Бразилии, намереваясь серьезно совершенствовать мастерство. Он высоко ценил свой талант, однако хотел спуститься на пару ступенек с пьедестала, вернуться на грешную землю. В результате он так и остался в Париже насовсем. Когда он шел по улице, все головы поворачивались к нему – конечно, кожа с медным отливом и атлетическое сложение притягивали взгляд, но стоило зазвучать его голосу с теплым акцентом, и сомнений не оставалось: перед тобой не просто красивый мужчина, а благородный человек редкостной доброты, с великолепным чувством юмора. В движении его тело излучало первобытную мощь и чувственность. В день показа все участники пришли в восторг от его хореографического дара, опешили, недоумевая, как такой талант мог очутиться в таком месте, и испугались, что после него трудно будет произвести впечатление на Огюста. Что до самого Огюста, то он, по всей вероятности, учуял в Сандро какой-то изъян и потому принял в свою школу.

Бертий привело сюда уязвленное самолюбие, заставившее попытаться счастья. Она тогда была молодой матерью годовалых близнецов, и ее выставила за дверь труппа, в которой она танцевала уже несколько лет. Она обрисовала нам свое положение, а я оглядела ее с головы до ног, ни на миг не поверив, что причиной ее увольнения могла быть неорганизованность. Бертий – огонь под коркой льда. По первому впечатлению крайне сдержанная, она проявляла сильный характер, если не получала то, что хотела, и так, как хотела. С тех пор я не раз имела дело с вспышками ее гнева! А когда она танцевала, трудно было поверить, что это та самая женщина, которая всего несколько минут назад устроила тебе головомойку. Ее тело превращалось в трепетный инструмент, каждое движение передавало головокружительную эмоцию, которая уносила зрителя в волшебные миры.

За этот безумный год под суровой, но доброжелательной опекой Огюста мы подружились и стали поддерживать друг друга. Мы отдавали себе отчет в том, что он взял нас под крыло и привязался к нам, поэтому иногда ощущали себя избранными. Однако от этого он был еще строже и требовательнее и не делал никаких скидок на наше душевное состояние. Мы должны были танцевать, танцевать и танцевать, пока не рухнем. Он подвергал нас тяжелейшим испытаниям, ему было важно оценить наш запас прочности, он постоянно заставлял нас доходить до пределов возможностей. Его кредо: танцуя, ты обязан рассказывать историю. Он ждал от нас, что мы будем улавливать и высвобождать чувства, таящиеся в самой глубине наших душ. Мы имели право на весьма скудный отдых, но Огюст был таким необыкновенным, что мы подчинялись всем его требованиям и никто из учеников – строптивых по

природе, заметим – никогда не протестовал. Мы с Бертий и Сандро попросили его о дополнительном годе занятий, но он отказал нам, утверждая, что выполнил свою миссию, однако предложил по очереди ассистировать ему на занятиях. Так мы приобщились к преподаванию, что стало для меня откровением. Огюст заставил нас получить экстерном преподавательские дипломы. Он развернул нас лицом к действительности. Благодаря Огюсту и его настойчивости мы вкалывали как каторжные и в итоге получили свои бумажки. И тогда он отправил нас в самостоятельное плавание. Мы работали в разных школах, но при этом не теряли друг друга из виду, совсем наоборот. Не отдалились мы и от Огюста, у которого регулярно встречались. Однажды, когда мы ужинали у него, он обрушил на нас оглушительную новость:

– Дети мои, я устал. Закрываю школу.

Мы завопили, вскочили со стульев, протестуя против такого решения. Мы были настолько потрясены, что забыли об уважительной сдержанности, которую обычно проявляли в его присутствии.

– Так, стоп, – спокойно произнес он.

Он поднял руку, и мы тут же снова сели, словно послушные ребяташки.

– Я закрываю свою школу, но на ее месте вы откроете свою. В ближайшем учебном году школа станет вашей, и вы будете в ней преподавать. Принимайте каких хотите учеников – детей, подростков, таких стариков, как я. Делайте что хотите, выражайте то, что стремитесь донести своим искусством. Если вы откажетесь, школа будет закрыта окончательно, потому что эту задачу я могу доверить только вам. Вы – мои дети...

Мы надолго утратили дар речи и только смотрели на его взволнованное и довольное лицо. Потом переглянулись, и я прочла во взглядах Бертий и Сандро те же чувства, которые обуревали меня: ужас, ответственность и в то же время желание принять вызов, чтобы наш духовный отец гордился нами. Я почувствовала, что у меня вырастают крылья, идеи хлынули одна за другой, вспыхнул азарт, я больше не могла сдерживаться и заговорила первой:

– Вы не пожалеете о своем выборе, Огюст. Вы можете нам доверять.

С тех пор школа работала достаточно успешно. Едва мы объявляли набор, все места заполнялись. Разные поколения занимались в репетиционных классах или пересекались в коридорах. От трехлетних малышей до самых старших, чей возраст не упоминался... Бертий специализировалась на классическом танце, мы с Сандро – на джаз-модерне, причем он преподавал еще и танцы народов мира. Однако в случае необходимости мы были готовы в любой момент подменить друг друга. Оба репетиционных зала были всегда заняты, и мы пачками получали резюме преподавателей, которые хотели работать с нами и под знаменем Огюста.

Следующий рабочий день я завершала занятием со старшими девочками. Я их обожала. В самом начале учебного года они упростили меня рассказать, что мы будем готовить к выпускному концерту. Я не удержалась и приоткрыла перед ними завесу, а они тут же этим воспользовались и стали клянчить, чтобы я им все показала. Впереди у нас были долгие недели занятий, а мне хотелось поднять планку выше, чем в прошлом году. Девочки были способными, их группа спаянной, так что стоило рискнуть и хотя бы на одно деление повысить уровень сложности. А заодно и мою требовательность к ним. За пять лет некоторые из них раскрылись: своим упорством, терпением и мягкой настойчивостью я смогла разжечь в них еще одну искорку. Я была уверена, что нам удастся сделать нечто интересное. К тому же мне хотелось, чтобы финал был ярким. Большинство учениц должны были вскоре закончить школу и занятия со мной – в семнадцать лет танец был для них лишь вариантом досуга, а дальше их затянет студенческая жизнь, появятся другие заботы. Они выросли на моих глазах, превратились в юных женщин, я считала, что просто обязана в последний раз отдать должное их способностям и увлеченности.

– О'кей! Сейчас покажу вам, девочки, – подняла я вверх руки, сдаваясь.

Они возбужденно захлопали в ладоши и выстроились вдоль стенки класса. Я редко выходила на авансцену, в мои намерения не входило подавлять их своей многолетней практикой, я здесь была для того, чтобы передать им свои знания, помочь понять возможности их собственного тела, почувствовать себя комфортно в нем, начать двигаться и расцвести. Я подготовила музыкальный фрагмент – Blouson Noir группы AaRON, все ближайшие месяцы он будет нашим аккомпанементом, – доверила пульт звуковой системы одной из учениц и вышла в центр зала. Я взглянула на свое отражение в зеркале, потом наклонила голову,

сжав ноги, вытянув руки вдоль торса, и подала знак, что можно врубить запись и пусть правит музыка. С этой секунды я отключилась от всего, следуя лишь сигналам собственного тела и смыслу той истории, которую хотела рассказать. Мне нужна была жизнь, энергия, радость. В эти четыре минуты тридцать пять секунд я думала обо всем – о мельчайшем шевелении мизинца, ведь в его движении могут таиться разнообразные смыслы, – о своем взгляде, хоть временами я и опускала веки, о каждом мимолетном жесте, передающем дух композиции. Музыка стала громче, и я с удовольствием заметила Сандро рядом с моими ученицами. Догадавшись, что происходит в классе, он не удержался и пришел. По его мнению, я слишком редко танцевала одна. Сандро идеально угадал с громкостью – ведь он так хорошо знал меня. Именно в этот момент я собиралась попросить своих юных подопечных поддать жару – включить звук на полную катушку. Мне нужен был взрыв энергии – пусть эмоции захватят все пространство, пусть девочки поймут, как важно притянуть восторженные взгляды зрителей своей свободой, и пусть эти ощущения останутся с ними навсегда. Я им это продемонстрировала, и меня саму поразило удовольствие, которое я получила от того, что дала себе полную волю. Когда в зале снова стало тихо, Сандро присвистнул от восхищения. Я благодарно выдохнула “Спасибо тебе”, потому что его похвала всегда согревала мне душу. Улыбка Сандро была лучезарной.

– Продолжайте в том же духе, девчонки! Оторвитесь как следует!

– Что ж, вот этим мы сейчас и займемся, – подбодрила я учениц.

Их сомнения были почти осязаемыми.

– У вас все получится! Я не посылаю вас на смерть – раз я предлагаю вам этот танец, значит, уверена, что он вам по силам.

Полтора часа спустя, держась за станок, я обвела свою группу взглядом и стерла пот – они загоняли меня, эти кровопийцы. Я позволила себе малую толику самодовольства: все я правильно рассчитала, они приняли вызов. Я покосилась на часы и хлопнула в ладоши:

– В раздевалку, девочки! Давайте-давайте!

- До следующей недели, Ортанс!

Они убежали, громко щебеча. Пока мои ученицы переодевались, я успела сделать растяжку, следя за тем, чтобы все мышцы расслабились – в ближайшие часы мне нужно быть на пике формы. Потом я залпом выпила полбутылки воды. Когда мои девицы при полном параде, готовые к свиданию с бойфрендами покинули раздевалку, я проводила их к выходу, не беспокоясь о том, что они будут делать дальше – в этом заключалось одно из преимуществ курсов для подростков и взрослых: никакого контроля, никакого ожидания мамаш, не успевающих забрать детей вовремя. Они по очереди чмокнули меня и умчались.

- Отдохните как следует, птички! – крикнула я им вслед.

- Обязательно!

По дороге в кабинет, который раньше занимал Огюст, я продолжала радоваться их беззаботности. Мы так и не поняли, почему он не оборудовал себе рабочее место поудобнее. Шесть квадратных метров на все про все, но мы тем не менее ухитрились втиснуть туда стол, три стула, два шкафчика, маленький холодильник и наши сувениры. В кабинете были мои друзья-партнеры, Сандро сидел на своем насесте – на шкафчике, а Бертий за столом разбиралась с бумагами (этой неблагодарной работой мы с ней занимались по очереди).

- Справляешься?

- Да, нормально.

- Заканчивай, я доделаю завтра.

Я села и принялась массировать голеностоп, который беспокоил меня в последнее время.

- Похоже, твоя постановка абсолютно гениальная?

- Не знаю, но девочки заценили.

– Не скромничай, это просто смешно! Если честно, ты великолепна, надеюсь, ты станцуешь вместе с ними на концерте, будет жалко, если ты этого не сделаешь.

Я жестом отмела это предложение.

– В любом случае мне хочется поскорее увидеть твою композицию, – не отставала Бертий.

Она удобнее откинулась на спинку стула и бросила на меня изумленный взгляд.

– А что ты вообще тут делаешь, кстати? Разве Эмерик возвращается не сегодня вечером?

Танец и впрямь заставил меня обо всем забыть! Как я могла?

– Ой, пора бежать!

Я вскочила, подвинула Сандро, чтобы вытащить с полки свою старую сумку от Жерара Дареля, с которой никогда не расставалась, надела туфли, пальто и завязала шарф. Они расхохотались, наблюдая за моей спешкой. Я показала им язык.

– Между прочим, мы не встречались целых десять дней!

– Такое случается редко, – прокомментировала Бертий.

– Ну да, к счастью... но на этот раз все было как-то сложно, ему пришлось много куда ездить по работе, ну и вот...

– То есть ты ему устроишь торжественную встречу! – хмыкнул Сандро.

– Если успею подготовиться.

– Могу тебя подбросить до дома, если хочешь, меня тоже ждут, – объявил он, поводя плечами.

Сандро протянул мне мотоциклетный шлем. Я закатила глаза, еле сдержав смех. Сандро был сердцеедом, он жаждал завоевать всех женщин, молодых, не очень молодых и остальных, усердно избегая любых проявлений дискриминации, и постоянно объяснял нам со своим чарующим акцентом, что женщина – это женщина, а всякая женщина красива, загадочна и желанна независимо от возраста, ширины талии или размера бюстгалтера. Время от времени мы с Бертий пытались его урезонить, но тщетно.

Сандро лавировал в густом потоке на своем побитом скутере и насвистывал мелодию родной Бразилии. Нам не понадобилось и четверти часа, чтобы доехать до моего дома. Я встала с его тарактелки, он поднял щиток, я протянула ему шлем.

– Оставь себе, утром заеду за тобой!

– Неужто проснешься? – Я недоверчиво вздернула бровь.

– У меня выбора нет. А ты в котором часу начинаешь?

– В десять!

– Ах да, завтра же день твоих любимчиков!

Не поспоришь, мне и впрямь не терпелось поскорее встретиться с ними. В последние два года каждый четверг по утрам мы со специалистом по психомоторике занимались с группой детей, страдающих нарушениями развития, помогали разрабатывать гибкость. Платили за это копейки, и Бертий скрежетала зубами, но мне было наплевать.

– До завтра, и спасибо, что подвез!

– Поторопись! Любовь не ждет!

Он умчался, насвистывая. Я же быстро преодолела семь этажей, отделявших меня от моей квартиры.

Я жила здесь уже четыре года, влюбившись однажды в эту келью под крышей. С помощью двух моих соратников и мужа Бертий я отремонтировала ее, и она превратилась в уютное жилище. Я купила его на средства, которые откладывала с первых месяцев работы, плюс финансовая помощь родителей. Я не находила в этой помощи ничего для себя зазорного или удивительного. Они всегда советовали мне вложиться – как это сделали сами – в жилье и очень хотели мне помочь. Едва войдя в обшарпанную сорокаметровую комнату с маленьким балконом, выходящим на крытые цинком крыши, я сразу поняла, что она им понравится и они скажут, что она похожа на меня. Дни напролет я отчищала стены и старый паркет. Чтобы оборудовать кухню, мы организовали набег на ИКЕА, и Сандро впервые в жизни приступил к сборке мебели. Вот почему и сегодня у шкафа недостает одной дверцы. Нужно было отгородить спальню от остального пространства квартиры, и я раскопала старую, тридцатых годов ширму и натянула на нее белый тюль, подчеркивающий мягкую сероватую белизну рамы. Крохотный балкон я украсила двумя – насколько хватило места – цветными декоративными лампами и цветочным горшком, а в хорошую погоду я ставила металлический складной столик на пороге между комнатой и балконом. В остальное время я прятала его за дверью.

У меня оставалось около часа до появления Эмерика, как раз достаточно, чтобы подготовиться. Я так по нему скучала! Встреча с ним окончательно избавит меня от смятения после поездки к родительской оливе. Раздевшись, я походила по комнате, включила музыку – зазвучал теплый голос Алиши Киз, – потом тщательно выбрала белье и идеальное платье, черное, с открытой спиной, и в заключение вытащила из-под кровати высокие сандалии из ремешков. Плевать, что довольно прохладно, главное – впечатление, которое произведет на него мой наряд. Впрочем, его реакция мне хорошо известна. Я услышала сигнал сообщения в тот момент, когда входила в ванную, и, справившись с зародившимся страхом, выдохнула с облегчением, прочитав:

Застрял в пробке, не смогу за тобой заехать, давай встретимся на месте, приезжай скорее! Я соскучился... Целую. Э.

Я успокоилась и встала под душ. Горячая вода освободила тело от напряжения, я расслабилась. Струя ледяной воды, пущенная под конец, взбодрила меня и оживила кожу. Завернувшись в полотенце, я тщательно накрасилась, чтобы подчеркнуть свои серые глаза и выразительные губы. Потом выбрала прическу – ему нравится натуральный светлый цвет моих волос – небрежно закрученный узел с умело высвобожденной, якобы случайно выпавшей прядью. Это его любимая прическа. Затем я нанесла на кожу сухое масло, чтобы она стала бархатистой. И последний штрих: одна капелька духов в ложбинку между грудями. Все, я готова.

Глава вторая

Я пришла первой, ничуть этому не удивившись. Да, Эмерик – самый организованный человек из всех, кого я знаю, и тем не менее он всегда опаздывает: обязательный последний звонок, последнее сообщение по электронной почте, требующее срочной отправки, последняя кризисная ситуация, которую необходимо разрулить. Я не обижалась, потому что он всегда старался заранее, до встречи все уладить по максимуму, чтобы нас не беспокоили. Официант, который нас отлично знал, проводил меня к всегдашнему столику в нише, где никто и ничто не помешает нашей встрече и откуда мы можем видеть всех, тогда как нас не увидит никто. Через пару минут он вернулся, неся коктейль.

– Я ничего не заказывала, подожду его.

– Он звонил перед самым вашим приходом и попросил принести вам выпить, он на несколько минут задержится.

Ну вот, что я говорила?!

– Большое спасибо.

Минут пятнадцать спустя, когда я успела сделать пару-тройку глотков, в проеме ресторанный двери вырос Эмерик с приклеившимся к уху телефоном. Его лицо было сосредоточенным, а пальцы прямо-таки вцепились в мобильник, и я легко представила себе степень его нетерпения и концентрации. Я была счастлива, меня переполняли мечты, и я не отказала себе в удовольствии смотреть на него не отрываясь. Он обладал даром добавлять сексуальности стандартным мужским костюмам из “Прентан”. Черты лица и высокая стройная фигура как будто отходили на второй план, потому что главной была его завораживающая харизма. Важную роль играла и уверенность в себе, которую Эмерик проявлял, однако, очень сдержанно. Все, с кем он общался, сразу чувствовали, что этому человеку удастся все задуманное, но при этом я никогда не замечала в нем желаний раздавить партнера. Эмерик просто доказывал, как дважды два, что в своей области обладает высочайшей компетентностью и его ничто не страшит, а все препятствия будут сметены благодаря упорной работе, воле и дерзости.

Выражение его лица смягчилось, когда наши глаза встретились, и Эмерик прикоснулся пальцами к губам, посылая мне воздушный поцелуй. Несколько минут спустя он выключил телефон... наконец-то. Перед тем как подойти ко мне, он обвел взглядом зал ресторана, на его губах играла хищная полуулыбка. Я не шевелясь наблюдала за тем, как он приближается к нашему столику. Когда он очутился рядом, я подставила ему для поцелуя шею, он наклонился, от прикосновения его губ меня охватила дрожь, и он сел напротив меня. Эмерик изучал меня долгие-долгие минуты, как если бы заново открывал для себя. Этот привычный ритуал, похоже, помогал ему сбросить стресс. Я любила мгновения, когда он возвращался из своего мира в мой, я тогда казалась себе центром его вселенной, а он снова становился тем Эмериком, которого знала только я.

– Этот звонок? Ничего серьезного, надеюсь?

– Нет... Скорее хорошая новость! – ответил он с сияющим лицом и блестящими от возбуждения глазами. – Ну, если не считать новую неразрешимую головоломку в моем расписании дня.

– Могу я узнать, что за новость привела тебя в такое состояние?

Он увлекся, как всегда, когда речь заходила о работе, а я молча слушала, как он со всеми подробностями объясняет суть вновь открывшейся возможности. Его многословная скороговорка забавляла меня.

В какой-то момент Эмерик осознал, что в последние десять минут сам задает вопросы и сам на них отвечает. Он смущенно хихикнул, перевел дух и извинился.

– Ладно-ладно, после поговорим об этом... Теперь я весь твой.

Не совсем, потому что перед нами вырос официант, намеренный принять заказ.

– Как там, в Провансе, прошло? – спросил Эмерик, когда мы снова остались вдвоем.

Я слабо улыбнулась в ответ, эта улыбка наверняка была грустной.

– Кати и Матье просили поцеловать тебя, они надеются, что ты приедешь этим летом.

– Я тоже. А твои родители?

– Я сделала то, что нужно было сделать... А так что ж, это всего лишь еще один год без них.

Он потянулся через стол, взял мою руку и ласково погладил:

– Я бы хотел быть там вместе с тобой.

– Я знаю. Только ты не волнуйся, у меня все в порядке. Сегодня был отличный день в школе, а теперь я с тобой.

И это истинная правда. Сейчас, когда он сидел напротив меня, все шло как нельзя лучше.

– Мы так долго не были вместе. – Он отпил глоток вина и поставил бокал на стол. – Даже слишком долго...

– Согласна, но что ты мог сделать?!

Он отпустил мою руку, откинулся на спинку диванчика с заговорщическим видом и посмотрел мне прямо в глаза. Я была счастлива: наконец-то мы окончательно переключились на нас двоих.

– У меня на днях родилась идея: ты должна время от времени сопровождать меня в поездках, это было бы здорово.

Я с ласковой насмешкой покачала головой и выгнула бровь. Потом наклонилась к нему, будто готовясь кое в чем признаться.

– Эмерик...

Он был явно доволен, на его лице было написано любопытство.

– Да-а-а...

– Ты забыл, что у меня тоже есть жизнь, ученики, уроки, которые надо давать...

Резкая смена настроения. Обиженное лицо. Если Эмерик чего-то хочет, то ведет себя словно капризный ребенок. Однако он быстро взял себя в руки.

– Хуже всего то, что мне нравится эта твоя жизнь... Кстати, мне уже давно не доводилось оценить твой танец...

– Приходи на выпускной концерт!

– Не собираюсь так долго ждать. И, заметь, я не сказал, что хочу увидеть, как танцуете вы все вместе – твои ученики, все остальные и ты... Сегодня вечером, знаешь ли, меня интересует только одна танцовщица.

Разделяющее нас расстояние резко сжалось, он не отрывал от меня взгляда.

– Что-нибудь придумаем, и я станцую для тебя раньше...

- Почему-то я это подозревал.

Обмен репликами позабавил Эмерика, и он восстановил безопасное расстояние между нами.

- Глупая идея пригласить тебя на ужин в ресторан, надо было сегодня вечером приехать прямо к тебе!

- Какой же ты нетерпеливый! - подколола я.

Его пальцы сомкнулись на моем запястье.

- А ты разве нет?

Как только тарелки опустели, Эмерик бросил салфетку на стол, взглянул на часы и махнул рукой официанту, прося принести счет. Я все поняла, его нетерпение позабавило меня, хотя на самом деле я в этом смысле ничем не отличалась от него. Он достал несколько банкнот из внутреннего кармана и протянул официанту.

- Тот же столик на следующий четверг, - напомнил он, выходя из ресторана.

- Уже записал! Хорошего вечера вам обоим.

- Спасибо, - ответила я.

Рука Эмерика прошла по моему платью и нырнула в вырез на спине. От его ласки по коже пробежала дрожь, а желание, которое я прочла в его глазах, возбудило меня. Он приблизил свое лицо к моему, собираясь поцеловать, но в последний миг отстранился.

- Ты не щадишь мои нервы, - прошептала я.

- Свои тоже... Пойдем.

Едва мы открыли дверь квартиры, платье улетело к противоположной стенке, а мы очутились в постели. Мы не могли сдержать нетерпение. С самой первой встречи между нами проскакивали искры, желание охватывало нас, стоило нам оказаться вместе. Эмерик, с его уверенностью в себе и в своей власти надо мной, занимался любовью агрессивно. Я откликнулась, безоговорочно отдавая свое тело в его распоряжение. Нам никогда не удавалось насытиться друг другом. Но долгое ожидание оказалось сильнее нас, и разрядка наступила быстро и внезапно.

– Конечно, мы слишком долго терпели, – прошептал он, уткнувшись в мою шею и все еще задыхаясь.

– Не поспоришь, – ответила я, запуская руку в его светлые волосы.

Он откатился на бок и крепко обнял меня. Мы долго оставались неподвижными, молча прижимаясь друг к другу. Я вслушивалась в биение его сердца.

– Я никогда не смогу без тебя, – в конце концов тихо проговорил он, и в его голосе был едва различимый оттенок грусти.

Я приподняла голову, он погладил мою щеку. Мне было знакомо это выражение лица, означающее, что он сейчас уйдет. Тоска по последним трем часам, проведенным вместе, вот-вот объявится. Слабая надежда удержать его рядом разлетелась вдребезги. Мой разочарованный вздох, разумеется, не прошел незамеченным.

– На следующей неделе все снова станет как обычно. И у нас будет больше времени, Ортанс.

Я кивнула и опустила голову.

– Все в порядке?

– Да... но когда нам удастся быть вместе всю ночь? У меня такое впечатление, будто я не спала с тобой много световых лет.

– У меня тоже...

– Ты бы мог сегодня остаться...

Он отодвинулся от меня. Что ты натворила, Ортанс.

– Мне пора идти.

Не следовало настаивать, пора бы уже запомнить. Он заперся в ванной. Я плотно укрылась одеялом и лежала не шевелясь. Комната была погружена в полутьму, только из-под двери ванной, куда он спрятался, пробивался слабый свет. Я услышала, как открылся и закрылся шкафчик, как несколько минут текла в умывальник вода. Эмерик вышел, избавившись от малейшего намека на мой запах. Он тщательно оделся, внимательно следя за тем, чтобы не осталось никаких следов наших объятий, убрав щелчком даже волосок, прилипший к пиджаку. Он подошел ко мне, ему явно было неловко. Я села, завернувшись в простыню.

– Я стараюсь, как могу, Ортанс.

Знаю...

– Я знаю.

Он положил ладонь на мою щеку, прижался лбом к моему лбу. Мы посмотрели друг другу в глаза. Когда я улыбнулась ему, на его лице нарисовалось облегчение. Мне не хотелось, чтобы он уходил с чувством досады.

– Я сделаю одну вещь, за которую тебе придется простить меня, – заявила я.

Он нахмурился, явно обеспокоенный моими словами. Я уже не могла сдерживаться и страстно поцеловала его. Он тоже поддался порыву и крепко сжал меня в объятиях. Но вскоре прервал наш поцелуй.

- Беги, - велела я.

Он выпрямился, ободренный моим поцелуем и объятием, и, перед тем как уйти, в последний раз проверил, все ли в порядке.

- Эмерик?

- Да!

Он оглянулся.

- Пришлешь смс, когда доедешь?

- Конечно... а ты не забудешь?

- Не беспокойся.

- До понедельника!

Он захлопнул дверь, а я слушала, как он сбегал вниз по лестнице. Когда его шаги стихли, я выбралась из постели и стала готовиться ко сну. После чего легла, положив рядом мобильник. Я прождала его сигнала полчаса. А потом пришло долгожданное сообщение, на которое я, как всегда, не отвечу. Но теперь я могла спать спокойно: Эмерик уже на месте, в своем шикарном загородном доме, вместе с женой и детьми.

Я даже представить себе не могла, что стану однажды номером два, любовницей, возлюбленной, другой, той, что всегда в тени. Мне ситуация не нравилась, очень не нравилась, но что поделаешь, если Эмерик совершенно неожиданно свалился на меня три года назад.

Через год после кончины родителей я еще не пришла в себя окончательно. Нервничала по любому поводу. По вечерам часто оставалась одна в школе и танцевала. В остальное время старалась держать себя в руках и выглядеть спокойной и непринужденной, чтобы не вызывать беспокойства у Бертий, Сандро, Огюста и Кати, которые сдували с меня пылинки, не давая утонуть в пучине горя. Они не знали, до какой степени я потеряна, я просто не понимала, что дальше делать со своей жизнью. Когда родителей не стало, все мои ориентиры разлетелись вдребезги. Но друзьям пора было возвращаться к собственной жизни и переставать тратить все силы на меня. Поэтому, когда боль и тоска по папе и маме, покинувшем меня, становились невыносимыми, я танцевала, чтобы разрядиться, ощутить естественные и простые эмоции и вновь обрести себя. Я позволяла музыке подхватывать и уносить меня, и движения моего тела дарили мне невероятное облегчение. Босиком, с закрытыми глазами, я перемещалась по всему пространству танцзала, не видя и не слыша ничего вокруг. В тот вечер, когда стало тихо, я остановилась посреди зала, наслаждаясь тем, что мои мышцы больше не напряжены, а я смогла, пусть и ненадолго, избавиться от мрачных мыслей. За моей спиной раздалось покашливание. Я обернулась: в зале стоял незнакомый мужчина. Ему наверняка было неловко, однако он не отвел глаза и не обратился в бегство. Я сразу подумала, что он очень, ну очень ничего.

– Добрый вечер, – поздоровалась я, делая два шага к нему. – Вы хотели о чем-то спросить?

Он улыбнулся, и только рука, которой он ерошил волосы, выдавала смущение. Я нашла, что он супер – внешность чистенького и симпатичного пай-мальчика, чуть излишнее увлечение модой, и при этом выражение лица как у нашкодившего ребенка.

– Э-э-э... да... добрый вечер... я ищу некую Ортанс...

Вот это да, оказывается, ему нужна я.

– Она перед вами! Но... разве мы знакомы?

– Подозреваю, что, будь так, я бы помнил, – пробормотал он.

Потом он хихикнул, как будто отвечая собственным мыслям, и полез в сумку.

– Я нашел на улице ваш бумажник, – сказал он, протягивая его.

Я простояла несколько секунд с открытым ртом, ошалело уставившись на него.

– Это не ваш? – забеспокоился он.

Я вздрогнула:

– Мой, мой! Но я и не заметила, что потеряла его.

Я преодолела разделявшее нас расстояние, чтобы забрать бумажник. Заметив его озадаченный вид, я сочла нужным оправдаться:

– Я немного рассеянная в последнее время!

– Вот уж точно! Вы хоть знаете, сколько он весит? Согласен, в бумажнике женщины скрыты сокровища, но не до такой же степени!

– Но он не оборвал вам руку, надеюсь?

Мы одновременно рассмеялись, искренне и непринужденно, продолжая смотреть друг на друга. Я успела заметить ямочку на подбородке, родинку на шее, острый взгляд, задержавшийся на пряди волос, которая свисала на мое плечо. Мы замолчали. Я едва не теряла сознания от участившегося сердцебиения, его присутствие мощно действовало на мое тело. Сколько времени прошло с тех пор, как я в последний раз ощущала подобное влечение? Я постаралась, несмотря ни на что, взять себя в руки.

– Огромное спасибо... очень мило, что не поленились прийти.

– Да пожалуйста.

Его улыбка. Как устоять перед ней? Я заметила, что он мысленно раздевает меня, хоть и делает это осторожно, исподтишка. Мне это нравилось, мне хотелось, чтобы он продолжал.

– Можем пойти выпить в бар напротив, если вы не торопитесь, я только переоденусь.

Он снова послал мне улыбку, но мне вдруг показалось, что он спускается с небес на землю. Он сделал шаг назад, провел рукой по лицу, словно пытаюсь проснуться. Тут-то я и заметила обручальное кольцо.

– Я бы с удовольствием, но...

Какая несправедливость, подумала я.

– Конечно. Давайте я вас провожу.

Мы прошли по коридору плечом к плечу, как если бы некая магическая сила толкала нас друг к другу, чтобы наши тела непременно соприкоснулись хоть на мгновение. Когда он уже выходил, наши взгляды снова встретились, и мы стояли так, глаза в глаза, долгие секунды. А потом одновременно стряхнули с себя наваждение. Я протянула ему руку, он осторожно взял ее в свою, его кожа показалась мне очень нежной.

– Еще раз спасибо за бумажник... м-м-м... я даже не знаю, как вас зовут.

Его ладонь сильнее сжала мою, я ответила тем же.

– Эмерик.

– Спасибо, Эмерик.

Он раздосадованно скривился, душераздирающе вздохнул и отпустил мою руку. Потом попятился, не отводя от меня глаз. После чего разочарованно покивал, развернулся и ушел. Я смотрела ему вслед, пока он не скрылся. В последний раз он обернулся перед тем, как исчезнуть за углом дома.

В последующие дни меня не оставляли мысли об Эмерике, о котором я не знала ничего, кроме того, что он женат. Воспоминания о нашей встрече заставляли меня замолкать посреди разговора, я витала в облаках и хотела чувствовать себя легкой и веселой. Мне казалось, что ко мне вернулась радость, и я

запихнула подальше свои сомнения, мучения и планы на будущее – эти несколько минут с ним пролили бальзам на мою душу, хоть я и была уверена, что никогда больше его не увижу. Однако неделю спустя Бертий зашла за мной в репетиционный класс в перерыве между двумя уроками и сказала, что какой-то мужик хочет меня видеть. Я сразу же подумала о нем, но тут же сказала себе, что лучше бы это был кто-то другой. В любом случае это невозможно. И все-таки именно он нервно выхаживал взад-вперед по школьному коридору. Тут мое сердце едва не выпрыгнуло из груди, и с этим я не могла ничего поделать. Он заметил меня и просиял.

– Насколько мне известно, Эмерик, я ничего не теряла.

Мы приблизились друг к другу, он молчал и только пожирал меня глазами.

– Почему вы здесь? – еле слышно выдавила я. – Вам нужна информация о балетной школе?

Мы оба удержались, не засмеялись.

– Моя дочь уже записана на другие курсы, и я об этом сожалею, поверьте.

– А я нет...

Он внимательно посмотрел на меня:

– Не нужно мне было приходиться, да?

– Да, не нужно было. Что вам делать здесь, со мной, в разгар рабочего дня...

– Я знаю, но...

Его прервал Сандро, который громко позвал меня на урок. Продолжая пристально смотреть на Эмерика, я крикнула коллеге, чтобы он попросил учеников подождать. Я так боялась, как бы Эмерик не исчез. Но ведь все равно это было неизбежно. Тогда я схватила его за запястье и потащила к выходу. Он с ужасом смотрел на меня, и я взяла себя в руки:

- А теперь уходите, Эмерик, так будет лучше. Уверена, у вас прекрасная семья и она ждет вас вечером дома.

Он отшатнулся, как от удара, а я решила добить его:

- Так случается в жизни, бывают встречи, которым суждено остаться только встречами.

- Если бы все было так просто, - угрюмо пробурчал он.

- А я и не сказала, что это легко.

- То есть вы, пусть и совсем немного, но все же думали обо мне?

Я едва заметно усмехнулась, он ответил тем же.

- Ортанс, можете считать меня безумцем, но я не могу работать, не могу говорить, не могу спать и нормально жить. Я думаю только о вас. Я всюду собирал сведения о вашей школе, чтобы больше узнать о вас, я хочу знать о вас все-все-все. И я не понимаю, что мне такое сотворить, чтобы избавиться от мыслей о вас.

- Вы поэтому здесь? Решили, что, если вернетесь и увидите меня, вам станет легче?

- Мне нужно было убедиться, что наша встреча - это реальность, что мне не приснилось то, что случилось с нами...

Он встал рядом со мной, прижал меня к стене. Мне он показался предельно уверенным в себе, но от моего внимания не укрылось, что он дрожит всем телом. Я была не в лучшем состоянии, в горле у меня пересохло, ноги подгибались.

- А вы не хотите в этом убедиться? - спросил он совсем тихо.

- Лучше не надо... подумайте о последствиях...

– Считаете, я о них не думал?! – взвился он. – Да я скоро свихнусь! Я не развратник. Я понимаю, что вы меня не знаете и у вас нет никаких оснований верить мне, но я никогда не изменял жене. Я не легкомысленный, совсем не влюбчивый, как по мне, любовь с первого взгляда – это из дамских романов. Но вот что получилось: вы свалились мне на голову, и я теперь не возьму в толк, что мне с вами делать.

– Забудьте меня.

– Давайте вместе поужинаем. Или хотя бы выпьем вина. В конце концов, вы же сами предлагали.

– Это плохая игра... Вы женаты, я только что узнала, что у вас есть как минимум один ребенок, и готова держать пари, что у вашей дочери есть брат или сестра...

Он кивнул, я разочарованно покачала головой.

– Не хочу сбивать вас с пути истинного и не хочу быть той, кто рано или поздно огребет по полной, а я чувствую, что с вами это вполне вероятно.

Я постаралась оттолкнуть его, он схватил мои руки, бешеный стук его сердца потряс меня.

– Отпустите меня, Эмерик, пожалуйста, проявите уважение к себе самому, к своей семье и... ко мне.

Я почувствовала его дыхание на своем лице – оно было таким же прерывистым, как и мое.

– Не могу, Ортанс. Я не в состоянии бороться, не понимаю, что со мной происходит... прости меня...

И он меня поцеловал. Я не сумела противостоять власти этого поцелуя.

С тех пор прошло три года. Мы успели много раз обменяться словами любви, вместе поплакать и поиронизировать над ситуацией, в которую угодили. Эмерик вернул меня к жизни. С ним я хохотала, кровь пульсировала в венах и лихорадка охватывала тело, когда он был рядом. Ловя его взгляд, я чувствовала, что существую, что я любима. Тем не менее я бы никогда не поверила, что стану той, кто ждет, протестует, бьется головой об стенку, когда ее любовник уходит, чтобы вернуться к семье. Как я могла подумать, что однажды буду вызывать отвращение у себя самой. Эмерик превратился в мастера вранья и двойной жизни, в топ-специалиста по лавированию. У нас, как у всякой пары, появились свои привычки и ритуалы. Мы встречались вечером по понедельникам и четвергам и, если наши расписания позволяли, иногда обедали вместе – маленький бонус, как он это называл. Вскоре гостиница показалась нам слишком вульгарной, наши отношения были достойны лучшего. Поэтому Эмерик появился в моей квартире, освоился в ней, и время от времени мы там ужинали, как если бы это был наш общий дом. Иногда ему удавалось остаться у меня на ночь. Летом он всегда находил способ приехать в “Бастиду”, и это были два дня полного счастья. Он был со мной и только со мной, я могла брать его за руку на улице, я целовала его, когда мне этого хотелось, запретов здесь не существовало. Он знал моих друзей и ценил их, они отвечали ему взаимностью, хоть и беспокоились за меня по любому поводу. Но в наших отношениях были, естественно, и свои темные пятна. Меня не существовало. Ни один его друг или знакомый не догадывался обо мне. В моменты паники мне приходило в голову: случись с ним что-нибудь, я об этом никогда не узнаю. Никто не сообщит, что он заболел или ему грозит опасность или еще что похуже... Эмерик избегал малейшего риска, поэтому, несмотря на мои уговоры, отказывался завести второй телефон или использовать в общении какой-нибудь наш личный шифр. Поэтому мне категорически запрещалось звонить ему, отправлять эсэмэски и даже отвечать на его сообщения, я никогда не могла сделать ему подарок или сунуть наше фото в его бумажник, тогда как его фотография всегда была со мной. В самом начале мне казалось, будто я сумею все оборвать, но совсем скоро я убедилась, что не способна на это – я безумно влюбилась в него. И чем больше времени проходило, тем глубже мы увязали в наших чувствах и в наших отношениях, которые иногда казались вовсе и не отношениями. Я ждала. Чего? Если разобраться, не многого. Я так и оставалась той, другой. Только при этом условии я могла его сохранить, так что приходилось смириться, хочешь не хочешь.

Обычный субботний вечер. Перевалило за полночь. Мы с Сандро поужинали в ресторане Стефана, мужа Бертий, а потом направились в ночной клуб, где бывали все последние годы. Я сидела у стойки, потягивая первый за вечер дайкири, за которым последует множество других, и наблюдала за своим другом, который вышел на охоту. Он мог заставить танцевать самых неуклюжих и сделать так, что они казались сексуальными и грациозными. Я обычно выжидала дольше, чем он, перед тем как появиться на танцполе: я знала, что стоит начать, и я уже не остановлюсь, разве что на минутку, чтобы проглотить очередной коктейль, который помешает выйти из транса. И всякий раз, сидя у стойки, я задавала себе вопрос, не сбежать ли. Зачем мне нужны каждые выходные одурманивать себя? Я допила свой дайкири, к этому моменту все вокруг уже было как в тумане, уши заткнуты плотными пробками электронной музыки, включенной на предельную громкость, – отлично, я готова, – я повертела головой, чтобы щелкнули шейные позвонки, и, ни на кого не взглянув, пробилась сквозь толпу ритмично движущихся тел в центр танцпола. И все, я была уже не я, а только движение, пот, полная свобода, я отключилась от всех переживаний. Потеряла контроль над собой. Забыться, создать вокруг и внутри себя вакуум. Я неистово отплясывала, чаще с закрытыми глазами, выходила в параллельное измерение и надолго застревала в нем. Без этого транса мне не обойтись, он создавал иллюзию освобождения. Время от времени, ощутив на своем теле чью-то настойчивую ладонь, я сбрасывала ее, решительно отвергая любые поползновения незнакомцев. Но благодарно откликалась на прикосновения Сандро, обеспечивающего мое спокойствие и ограждающего от приставаний тупых субботних донжуанов, и получала огромное удовольствие, зажигая с ним. Те минуты, когда мы позволяли себе танцевать вместе, были, конечно, своего рода демонстрацией силы, поскольку мы не скрывали свой профессионализм и безудержное стремление к самовыражению, мы были слишком опьянены, чтобы беспокоиться о впечатлении, которое произведем на окружающих. Иногда, в мгновения, когда сознание пробуждалось, передо мной всплывало лицо Эмерика, и мне приходило в голову, что, если бы он увидел меня такой, он бы слетел с катушек. Я была бы не против преподать ему этот маленький урок. Стоя в очереди в туалет вместе с юными барышнями, чья свежесть граничила с наглостью, я регулярно ловила их взгляды, в которых читалось, что я для них старуха. Мое отражение в зеркале наглядно объясняло мне, почему на их лицах читается насмешка: краска потекла, лоб блестит от пота – близость сорокалетия не скрыть. Как следствие, я заказывала очередной дайкири, чтобы совсем забыться и показать, что по выносливости им меня не обставить.

Воскресный полдень. Физические кондиции позволяли мне, естественно, оставаться на сцене до самого утра, однако возраст мешал восстановиться всего за четыре часа сна, в отличие от давешних девчонок, которым накануне я бросала вызов и которые к этому времени наверняка уже были свежими, как весенний ветер. Я не без труда выбралась из постели, раздернула занавески, яркое зимнее солнце ослепило меня, и я едва справилась с желанием вернуться в полутьму под одеялом. Отяжелевшие ноги кое-как донесли меня до ванной. Опершись о край умывальника, я провела тщательный осмотр. Ну и вид у меня – прямо скажем, отвратительный: под глазами черные круги, оставленные тушью, морщины гораздо глубже, чем обычно, серый цвет лица. Единственный выход – не тянуть и быстро залезть под душ.

Погода была солнечной, я открыла окно и подошла к столу. Да, было еще прохладно, но, возможно, свежий воздух развеет это странное ощущение пустоты, охватившее меня сразу по пробуждении. Обернув голову махровым полотенцем, я съела плотный, насыщенный витаминами завтрак. После этого решила, что следует очистить организм от токсинов, надела спортивный костюм, кроссовки и захлопнула за собой дверь. Я бежала рысцой, с наушниками на голове, стремясь не показать выдающиеся результаты, а всего лишь как следует пропотеть. Спрятавшись в свою музыкальную шкатулку, я забывала, что ноют и саднят онемевшие мускулы, забитые ядом после вчерашних злоупотреблений, которые я, впрочем, повторю меньше чем через неделю.

Нужно было наплевать на усталость и как можно полнее выложиться, избавиться от отрицательной и нездоровой энергии, а взамен подзарядиться положительными импульсами. Проще сказать, чем сделать. Я витала в облаках и не замечала никого вокруг, как если бы все парижане покинули город. Я бежала, меня никто не знал, я была одна, я отбросила все свои вопросы, все сомнения. Я чувствовала, как внутри меня нарастает глухой, необъяснимый страх. Он вел себя подло, норовя неожиданно вынырнуть на поверхность, причем проделывал это все чаще, а я не могла его побороть. Я добежала до Люксембургского сада. Жажда вынудила меня сделать остановку. Я купила воду у уличного торговца, села в кресло у пруда и за несколько минут наполовину осушила пол-литровую бутылку. Сухость во рту, не отпускавшая меня с самого пробуждения, наконец-то прошла. Я засмотрелась на детишек, запускающих кораблики, они были такими милыми. Многие расстегнули куртки, радуясь хорошей погоде и ранней весне, значит, некоторые завтра проснутся с простудой, потому что солнце в

начале марта обманчиво.

Мои воскресенья были похожи одно на другое, как и субботы. Наблюдая разные семейные или дружеские встречи, я неизбежно задавалась вопросом, чем сейчас занят Эмерик. Достав телефон, я в тысячный раз за эти выходные перечитала его последнюю эсэмэску, ту, что он обычно присылал мне по пятницам около семи вечера, стоя в пробке на кольцевой дороге, когда я проводила свой последний на неделе урок. И каждую пятницу он писал примерно одно и то же:

Я думаю о тебе, я скучаю по тебе, хороших выходных, целую, до понедельника!
Э.

Иногда он вспоминал наш вечер накануне, говорил, какая у меня потрясающая кожа, как хороши были наши поцелуи, наш смех. Воскресенья он проводил дома или у друзей в окружении детей, он наверняка с удовольствием входил в роль счастливого отца семейства – а он таким и был, я не сомневалась. Я ощутила привычный, так хорошо знакомый воскресный укол в сердце и сразу узнала его. Мы редко говорили о его семейной жизни, еще реже о его отношениях с женой, я хотела как можно меньше знать об этом – того, что мне известно, более чем достаточно, – я предпочитала держать его другую жизнь на расстоянии, чтобы не подпускать к себе ревность и чувство вины. Тем не менее вопросы в голове вертелись... Есть ли у него проблемы в отношениях с женой? Подозревает ли она что-то? Часто ли он занимается с ней любовью? Такой же он с ней разговорчивый, как со мной? Ходят ли они вдвоем куда-нибудь повеселиться? Прижимается ли он к ней, чтобы вдохнуть запах ее шеи и легонько прижать зубами кожу? Он с ней такой же веселый, нежный, чуть-чуть властный и своенравный, как со мной? Притворяется ли он, чтобы сохранить видимость согласия в семье? Да, конечно, бывало, что я кричала, даже вопила и мне хотелось расколошматить все, что попадет под руку. Когда я бушевала, он не произносил ни слова. Поняв, что я выдохлась, он сдержанно произносил “Я тебя люблю”. И я опять не могла устоять.

Детский визг заставил меня встряхнуться; пора было возвращаться, иначе я так и буду до ночи пережевывать невеселые мысли. Я начала бороться с собой, пытаюсь вырваться из плена воскресной меланхолии, и уже собралась побежать домой в хорошем темпе, чтобы окончательно добить себя, как вдруг застыла, почувствовав, что завибрировал телефон. Эмерик. Я уставилась на экран, не веря надписи, высветившейся на нем, и забывая ответить – еще немного, и я бы пропустила вызов. Но я взяла себя в руки и с трудом выдавила тихое “алло”.

– Я уж боялся, что ты не ответишь, Ортанс.

Он говорил нормальным голосом, не шептал, не казался озабоченным, грустным или перепуганным.

– Все в порядке? Что-то случилось?

– Ничего особенного. Просто захотелось услышать твой голос.

– А-а-а...

Это было почти невероятно. Хватило бы пальцев одной руки, чтобы пересчитать подобные звонки, к тому же в воскресенье. Я сосредоточилась на нем и не замечала ничего вокруг.

– Что хорошего подделываешь?

– Я в Люксембургском саду.

– С кем?

Проснулся инстинкт собственника. Но если я вынуждена ждать его, пусть и он терпит мою независимость и свободу. Я знала, что такое понимание ситуации пробуждает в нем ревность, но одновременно делает меня еще более сексуально притягательной... Я закружилась, танцем выражая ту легкость, которую он только что подарил мне. Пальцы вцепились в телефон, словно стараясь удержать Эмерика рядом, не дать ему исчезнуть.

- Я одна, сражаюсь с похмельем – мы с Сандро вчера погуляли.

- Понятно... К тебе никто не приставал?

Должна признаться, мне нравилось, когда он ревновал. Но ему было не о чем беспокоиться. По иронии судьбы я хранила ему верность.

- Какой ты любопытный...

Я замолчала, сделав загадочную паузу и только потом засмеялась над его реакцией. Вскоре он тоже присоединился к моему веселью:

- Ты знаешь, как я нервничаю, когда ты так себя ведешь.

- Да, знаю, но тебе самому это нравится, и попробуй возразить.

- Я скучаю по тебе, Ортанс.

Меня охватила безумная радость, я заулыбалась так широко, как мне редко удавалось.

- И я по тебе скучаю.

- Я так хотел бы быть с тобой, знаешь.

В его голосе вдруг зазвучало с трудом сдерживаемое раздражение.

- Мне пора, – сказал он, помолчав несколько секунд.

- Хорошо, я тебя целую.

- И я тебя. До завтра.

Этих нескольких минут разговора хватило, чтобы развеять мое тоскливое настроение. У него словно бы имелся радар, улавливающий мою подавленность. Я вернулась домой, успокоенная и умиротворенная.

Глава третья

Каждый понедельник мы проводили утреннее совещание. Хотя, конечно, совещание – слишком громкое слово для неполных двух часов, во время которых мы, не торопясь и попивая кофе, обсуждаем проблемы планирования, расписания или же подготовки к выступлениям. В этот понедельник я прибежала веселая и довольная после неожиданного звонка Эмерика, точно зная, что у нас будет на повестке дня.

– Ку-ку! – пропела я, бросая на стол пакет из булочной.

– Ты чудо! – воскликнул Сандро и послал мне воздушный поцелуй.

– Спасибо, – Бертий ограничилась односложным ответом, произнесенным ее знаменитым мягким тоном.

Нахмуренные брови коллеги не произвели на меня впечатления. Такое бывало нередко, так что я привыкла. Тем не менее я вопросительно глянула на Сандро. В ответ он пожал плечами: ему было известно не больше, чем мне. Несколько минут спустя мы сгрудились вокруг стола, держа кофе в руке и шукетку[4 - Шукеты – шарики из заварного теста, посыпанные сахарной пудрой.] в зубах. Я взяла слово первой:

– О’кей, для хорошего начала недели давайте поговорим о летних курсах в этом году.

Глядя вдаль, я просияла, заранее представляя себя в “Бастиде”.

Когда мы взяли школу в свои руки, я в самый первый год придумала и организовала в “Бастиде” летние курсы: вела запись, сдавала комнаты, направляла желающих в разные мастерские, распределяла собранную оплату – часть шла в “Бастиду” на ее содержание, а другая причиталась самой школе.

Большинство участников были сценическими танцорами, прошедшими через руки Огюста, которым требовалось отшлифовать мастерство, и они предпочитали делать это в приятной обстановке и под ярким солнцем. Первые два лета нас принимали папа и мама. Никогда не забуду, как они были счастливы, когда их большой дом заполнялся танцорами и музыкантами. Они даже взяли на себя близнецов Бертий, которые тоже приехали – мои родители со вкусом изображали дедушку и бабушку. После их смерти я продолжила начатое. Больше всего я мечтала, чтобы это стало традицией. Усадьба превращалась в огромный танцевальный зал; во время уроков как таковых мы по очереди заполняли студию. Кроме того, я проводила занятия на открытом воздухе, а по вечерам мы собирались вокруг бассейна, чтобы повеселиться. Всегда находился кто-нибудь, кто доставал гитару или сакс. Под звездным небом разносилась музыка. Я могла до рассвета танцевать в парке босиком с бокалом в руке. Сколько восходов солнца мы встретили? Ритм занятий был спокойным, комфортным для каждого участника и зависел от того, что он хотел усовершенствовать или отработать. Все вставали, когда хотели, ориентируясь на свою ежедневную программу. Ни Сандро, ни я никогда не брали на себя утренние уроки, все они доставались Бертий, ранней пташке, как и положено образцовой матери семейства. Все было продумано так, чтобы вернуться к простому и естественному наслаждению танцем. Наш девиз: набраться сил, отдохнуть, восстановить свое тело, вернуть связь с эмоциями, обходясь без давления строгого распорядка и парижской суматохи. У нас даже открывались кулинарные курсы, когда приезжал Стефан и становился к плите, чтобы научить всех желающих заботиться о себе и правильно питаться. Как же мне хотелось поскорее там оказаться! Скоро я начну считать дни до отъезда.

– Ау, Ортанс! Ты еще с нами?

Решительный голос Бертий вернул меня в Париж и в настоящее время. Ее напряженное лицо вызвало у меня плохое предчувствие.

– Извини, я уже перенеслась туда! – весело воскликнула я в надежде, что мое хорошее настроение передастся ей.

Оценив выражение лица Бертий, я поняла, что этого не произошло.

- Послушай, хорошо, что ты сама заговорила о лете...

- Почему? Хочешь предложить какие-то идеи? Есть пожелания?

- Я как раз собиралась кое-что обсудить с тобой. Давай будем действовать здраво... Пора подумать о том, чтобы закрыть летние курсы.

У меня перехватило горло. Только что Бертий предала меня, провозгласила не подлежащий обжалованию приговор. Кому? Мне, кому же еще...

- Что? Но... Но почему?

Это неожиданное решение раздавило меня.

- Мне очень жаль, но постарайся понять. Закрывать школу на все лето сразу после выпускного концерта - это несерьезно. Конечно, было супер - проводить в июле летние курсы у твоих родителей, но, между нами, это непрофессионально, там скорее сплошная веселуха, чем учеба. А мы уже вышли из этого возраста.

И она продолжила, не дав мне времени возразить:

- Мы задыхаемся от заявок на проведение летних классов в Париже, можно было бы собрать интересных людей, с более широкими запросами. К тому же они принесут нам больше денег. Мы всегда знали, что курсы в Провансе - временное решение...

- Ну да, конечно, - с трудом выдавила я еле слышным голосом.

- Это не назло тебе, честное слово. Постарайся найти положительные стороны, ладно? Не торопись, обдумай все спокойно и скажи мне, что ты об этом думаешь. Помни, что я рассчитываю на твое участие в моих новых летних программах.

Что я об этом думаю, Бертий? Что ты только что лишила меня одной из самых больших радостей, сославшись на интересы школы, как если бы всем руководила только ты. А ведь до сих пор руководство всегда было коллегиальным. Что я могу тебе сказать?

- Ты права.

- Можно приехать к тебе в августе? - поинтересовался Сандро. - Мне будет не хватать коротких каникул в Провансе.

Уж не знаю как, но я нашла в себе силы улыбнуться ему. Даже Сандро как будто не был шокирован предложением Бертий. Похоже, у меня проблемы...

- Я рада, что ты так к этому отнеслась... Честно говоря, летние курсы - только первый этап, я бы хотела вам предложить еще кое-что. - Моя спокойная реакция ободрила ее.

Что еще свалится нам на голову? Новые планы явно наполняли ее бурным энтузиазмом. Я ни за что бы не подумала, что она может так загореться - от нее практически исходило сияние. Какое у меня право тормозить ее порыв? Даже если я хотела только одного - во весь голос завопить, что я против, - мне оставалось лишь молча выслушать ее.

- Говори, мы готовы, - кое-как выдавила я.

- Почему бы нам не пригласить еще одного преподавателя? Мы могли бы открыть больше классов. Набрать больше учеников.

Я была потрясена. До сих пор нас вполне устраивала маленькая компания, которую мы выстроили. Никогда, совсем-совсем никогда не заходила речь о том, чтобы конструировать что-то другое или изменить масштаб нашей танцшколы.

- По-моему, ты немного забегаешь вперед, давай все спокойно обдумаем, согласна?

На ее лице было написано недоумение.

- Ортанс, я уже пыталась поговорить с тобой, но ты неуловима. Мотаешься между школой и... Эмериком, с тобой невозможно что-либо серьезно обсудить.

Она с вызовом посмотрела на меня, прекрасно зная, что мне нечего возразить. Я сдалась и кивнула, приглашая ее продолжать.

– Нам нужно ответить на требования объективной реальности. Учитывая наш опыт, мы, я уверена, сможем достойно сделать это. Вот уже пять лет мы успешно руководим школой, так что пора нам подниматься на следующий уровень! Мы должны вести себя как серьезные и амбициозные профессионалы – и ради наших учеников, и ради нас самих. Мы обязаны развиваться, показать другим танцевальным школам, что мы существуем и что с нами нужно считаться.

Ее глаза сверкали, в голосе звучала решимость.

– Мне нравится! – Сандро был полон воодушевления и даже вскочил со стула.

– А ты что молчишь, Ортанс?

Бертий не сознавала, какой удар мне нанесло ее намерение отменить летние курсы. Мне казалось, меня бьют молотком по голове, загоняя глубоко под землю. Но я должна что-то ответить. У Сандро и Бертий всегда было больше амбиций, чем у меня, у них лучше получалось заглянуть в будущее. Наверное, пора и мне немного повзрослеть.

– Гениально! – заставила я себя ответить.

– Правда? Отлично! Я боялась, что ты будешь против! Обдумайте, чего бы вам хотелось, и мы вернемся к этой теме в ближайшее время. Я намерена ковать железо, пока горячо!

– Договорились.

Сандро потирал руки, готовый приступить к работе. Я же сдержалась и не высказала свои сомнения, пришлось подчиниться выбору большинства и как-то встряхнуться, невзирая на шок. Возможно, не так уж она не права.

Вечером я собралась уходить, час с лишним провозившись с бумагами. Я устала и все еще не могла прийти в себя от планов Бертий и Сандро по расширению школы. В утреннем разговоре я участвовала с переменным успехом, демонстрируя фальшивый пыл, однако понимала, что подругу мне не обмануть, слишком хорошо мы знаем друг друга. Нужно было срочно взять себя в руки и, главное, найти в себе силы, чтобы искренне поддержать ее планы, а не ломать комедию. Однако в данный момент у меня оставалось единственное желание – поскорее встретиться с Эмериком и отвлечься от этих проблем. Перед самым уходом я увидела на телефоне десять пропущенных вызовов от него за двадцать минут. Когда он такое проделывал, я злилась. Мне было точно известно, что нет никакой срочности или трагедии. Если у него появлялась возможность позвонить мне... он был уверен, что я свободна ровно так же, как и он. И названивал до тех пор, пока я не сниму трубку. Плевать ему, что у меня есть своя жизнь и работа. Однако в этот раз, вопреки установившемуся порядку, он оставил мне сообщение после последнего звонка.

Ортанс, перезвони мне!

Довольно-таки лаконичное послание. Но, несмотря на свою лаконичность, экстраординарное по содержанию: он просил меня перезвонить!

Эмерик немедленно откликнулся:

– О! Наконец-то! – весело сказал он. – Ты где?

– Еще в школе. А в чем дело?

– Отлично! У тебя есть с собой платье и туфли на высоких каблуках?

– Найдутся, я думаю. Так в чем все-таки дело?

– Заеду за тобой через двадцать минут, сбежим ото всех. У нас будут целые сутки вдвоем и только вдвоем... ну, или почти, в Лилле... если честно, мне

пришлось назначить там рабочую встречу на завтрашнее утро, но на это время я тебя записал на массаж. Ну как тебе моя программа?

Я онемела. Усталость немедленно улетучилась. Осталось лишь единственное желание – броситься ему на шею и чтобы он поскорее оказался тут, и главное, чтобы мы оба очутились далеко-далеко. Даже если я и догадывалась о возможных осложнениях... Я встретила любопытный взгляд Сандро, прислонившегося к двери кабинета.

– Дай мне время собраться.

– Я примчусь, как только смогу, будь готова, не хочу терять ни минуты из тех, что мы можем быть вместе.

Я зачарованно уставилась на замолчавший телефон, вид у меня был явно блаженный.

– Классный звонок, да? – вкрадчиво спросил Сандро.

Мое смущение забавляло его, он догадался, что я что-то задумала. Подошел ко мне поближе и предложил:

– Признайся дядюшке Сандро.

Я не заставила себя просить и все ему выложила, в мыслях уже с Эмериком, счастливая и полная планов.

– Какой милый сюрприз он тебе устроил. Ты нуждаешься в том, чтобы почаще быть с ним, тебе сейчас тяжело, это очевидно...

Его пронизательность привела меня в замешательство.

– Не притворяйся, будто удивлена! Я вижу тебя насквозь.

Замечание Сандро вызвало у меня нервный смехок.

- Не спорю... извини, если я раздражалась по любому поводу.

Он отмел мои возражения взмахом руки.

- Ладно, как я понимаю, мне нужно будет подменить тебя завтра. Я прав?

Я повисла у него на шее и крепко обхватила руками. Он весело покачал меня из стороны в сторону. Я была уже далеко, счастье затопило меня. Мне не хотелось скрывать свою радость в предвкушении приближающейся встречи.

- Не беспокойся, Ортанс. Беру Бертий на себя, если ты не против?

Как здорово, что он есть, я ведь даже не подумала об этом.

- Кто тут меня упоминает?

Катастрофа. Мое бегство может вывести ее из себя. Сандро отпустил меня, заговорщически подмигнул и подошел к ней. Она недоверчиво вздернула бровь, зная нас достаточно, чтобы заподозрить подвох.

- Что это вы затеваете?

- Да ерунда, я ее завтра заменю.

Она сжалась, как тугая пружина, лицо окаменело, словно у статуи.

- На каком уроке?

- Почти на всех. Оставшиеся возьмешь ты!

- Это что-то новенькое, - язвительно среагировала она.

Чтобы умаслить Бертий, он положил ей на плечи свои большие ладони.

- Милый друг устроил ей сюрприз. Надо им помочь! Кстати, у тебя в шкафу не найдется какого-нибудь достаточно сексуального платья?

Она резким движением высвободилась и направилась ко мне, угрожая вытянув указательный палец.

– Это уже перебор, Ортанс! Ты считаешь, что мы должны стоять на ушах всякий раз, когда Эмерику придет в голову очередная блажь?! У нас с Сандро тоже есть своя жизнь! И с таким подходом школа явно не будет двигаться к успеху!

– Тебе не кажется, что ты преувеличиваешь?! Ну да, все получилось в последнюю минуту, но я здесь вкалываю не меньше вашего! Тебя что, моя работа не устраивает? А что мы можем поделаться?! Раз в кои-то веки подвернулась возможность побыть подольше вместе, а ты пытаешься все испортить!

– Как ты собираешься объяснить свое отсутствие ученицам? С какой стати нам брать на себя твою работу только потому, что вы встречаетесь, когда ему удастся сбежать от жены! И как только он это проворачивает?!

Ее жестокость лишила меня дара речи. Использовать двойную жизнь Эмерика, чтобы больно задеть меня, заставить расплачиваться за то, что сегодня утром ее идеи не вызвали у меня энтузиазма, – это так легко и так подло. Она даже не подозревала, как я стараюсь во всем угодить ей, лишь бы избежать конфликтов.

– Но это низко, Бертий.

– Нет, это правда и ничего другого, кому-то надо время от времени возвращать тебя на грешную землю.

– Эй! Успокойтесь, девчонки! – вмешался Сандро. – Иди собирайся, Ортанс, а ты, Бертий, оставь ее в покое!

– Ты ее, как всегда, защищаешь! Бред какой-то, – зло прошипела она.

Она ушла, хлопнув дверью. Я была ошеломлена, ошарашена тем, что только что произошло.

– Не стой столбом, – поторопил меня Сандро. – Эмерик будет ждать. Я ее успокою, не волнуйся. Давай шевелись, потом обо всем поговорим.

На мгновение мне стало стыдно.

– А как же мои ученицы...

– Все в порядке, я разберусь.

Он произнес именно те слова, в которых я нуждалась. Я поблагодарила его, в последний раз стиснув в объятиях, а потом помчалась в свою раздевалку за вещами. Отыскала там платье и туфли на высоком каблуке, в которых иногда танцевала. Перед тем как выйти из школы, я заглянула в стеклянную дверь кабинета Бертий. Двигалась она грациозно, как всегда, однако на лице легко прочитывалась злость, она так и не успокоилась. Ничего не поделаешь, урегулирую проблему, когда вернусь.

Держа над головой сумку, чтобы спрятаться от дождя, я выбежала на улицу и едва не поскользнулась на мокром асфальте. В последнюю минуту я удержалась на ногах, однако правая щиколотка громко запротестовала. Я забралась в машину к Эмерику и почувствовала себя спасенной и защищенной от всех угроз. Он стер дождевики, оставшиеся на моем лбу и щеках, и долго изучал меня. Потом нахмурился, и я различила на его лице подозрение.

– Ты не рада, что мы едем?

– Еще как рада! Просто мы малость поцапались с Бертий. Ты ее знаешь... Да плевать я хотела, главное, мы вместе.

И я поцеловала его.

Прислонившись к спинке кровати, небрежно развалясь и сцепив руки на затылке, Эмерик не отводил от меня глаз, пока я снимала одежду. Я чувствовала его взгляд и купалась в нем. Я всласть использовала свое грациозное тело и его притягательность для Эмерика. Делала вид, что не обращаю на него внимания, но знала, что так его желание становится еще острее. Я непринужденно курсировала между спальней и ванной в изысканном белье. Перед зеркалом поднимала волосы на макушку, обнажая затылок и шею и притворяясь с

капризной гримаской, будто колеблюсь. Пока красилась, нарочито выгибалась, осознавая гипнотическое действие, которое оказывает на него изгиб моей талии. Как вдруг я почувствовала, что атмосфера полностью изменилась. Еще мгновение назад Эмерик был готов тащить меня в постель. А теперь в номере воцарился арктический холод. Я обернулась и поняла, что мои опасения подтверждаются: его тяжелый взгляд, казалось, вот-вот раздавит телефон. Я подошла к Эмерику. Никакой реакции. Я села рядом и посмотрела через плечо на дисплей. Три неотвеченных вызова из дома. Я поборолла раздражение, нежно провела рукой по его волосам, стараясь успокоить, чтобы мне опять было хорошо с ним.

– Могу помочь справиться с угрызениями совести?

– Извини.

– Дай мне окончательно собраться, на время забудь обо мне. Выйди и сделай то, что нужно, а потом вернешься ко мне, договорились?

У меня нет выбора: он должен перезвонить, а я должна пожертвовать несколькими минутами с ним. Это очень больно, но такие уж у нас отношения. Я делю любимого мужчину с его семьей и не могу позволить себе истерику сегодня вечером, когда он со мной в совершенно потрясающем месте. Эмерик поцеловал меня в шею, встал и глубоко вздохнул, явно чтобы набраться храбрости. Я не шелохнулась. Перед тем как выйти, он обеспокоенно покосился на меня:

– Все будет в порядке, когда я вернусь?

Я нежно улыбнулась ему:

– Что до меня, все будет в порядке, обещаю.

– В таком случае я тоже обещаю.

Спрятавшись за шторой, я следила с нашего верхнего этажа за тем, как он вышагивает по внутреннему дворику. Слова Бертий не шли из головы. Настроение резко переменилось. Мне было противно наблюдать за тем, как он звонит жене, я начала уставать от всего этого. Кто я такая, в конце концов? Женщина, с которой он спит дважды в неделю и которую тайно везет в роскошный отель. Как я могла пасть так низко? Похоже, у меня не осталось ни капли самоуважения... Быть может, я, как дура, продолжаю верить, что однажды он придет ко мне, чтобы остаться навсегда. Но он ведь никогда мне ничего не обещал. Получается, я всегда расшифровывала в свою пользу любые знаки, чтобы убедить себя, будто наша история достойна того, на что я соглашаюсь. Он любит меня – его признания дают мне силу, но одновременно лишают способности трезво оценить ситуацию и усомниться в его чувствах. Все служит мне предлогом, чтобы оправдать его... Я верю каждому его слову...

Почему я все же поддалась в тот единственный раз, когда мне хватило решимости расстаться с ним? Зачем я вернулась, чтобы снова и снова мучиться одиночеством, чувством вины и отвращением к себе?

К тому моменту мы уже полтора года урывками встречались, и я устала от наших отношений: время шло, а он не принимал никакого решения, уклонялся от ответов на мои вопросы. И все же мне не хватало духу порвать, бросить Эмерика. Забыть, подвести черту подо всем, что мы пережили вместе – ведь некоторые моменты были едва ли не совершенными, и я так сильно любила его. Но однажды, когда мы собрались вместе пообедать, я не выдержала. Погода была великолепной, но наш подпольный образ жизни не позволял нам насладиться солнцем и выбрать столик на террасе, как это сделала бы любая нормальная пара. Я уже подошла к ресторану, где была назначена встреча, но в последнюю минуту, когда он еще не успел меня заметить, развернулась и спряталась в нишу дома напротив, чтобы понаблюдать за ним в последний раз. Я стояла и ждала в полутьме, зная, что он в конце концов позвонит. Он и позвонил, как я предполагала. Ему хватило самонадеянности сделать мне выговор за опоздание и за то, что я не предупредила его, как будто напрочь забыл о том, что мне категорически запрещено звонить. И тогда я объявила, что больше не приду, а он тут же запаниковал, едва ли не закричал в телефон, наплевав на конспирацию. Он настаивал на том, чтобы мы встретились еще раз, размахивая, как флагом, силой нашей любви.

- Наши отношения ведут в тупик, - ответила я. - Зачем нам продолжать их? Я уже приняла окончательное решение, и еще одна встреча его не изменит.

Я увидела, как он выскочил из ресторана и забегал по тротуару перед входом. Мое сердце не выдерживало, я сражалась с желанием броситься в его объятия и умолять забыть мои последние слова. Я, однако, не имела на это права.

Все следующие недели он буквально домогался меня: безостановочно названивал, засыпал сообщениями голосовую почту, ежечасно слал эсэмэски, даже звонил в школу. Я старалась вернуться домой попозже, и меня провожал Сандро - из опасений, что Эмерик меня поджидает. Я все время была настороже, потому что сама себе не доверяла, не знала, как поведу себя, если он окажется рядом. Я худо-бедно справлялась с занятиями, но перестала есть, ночью спала мало или вообще не спала, часами отчаянно рыдала, тоска по нему грызла меня. Лежа в темноте, я вновь и вновь слушала его сообщения, объяснения в любви - он говорил, что не может без меня, что живет в аду. Страдание, которое я себе навязывала, было мне необходимо, я чувствовала потребность услышать его голос, полный отчаяния. И вот однажды он перестал подавать признаки жизни. Сандро признался, что серьезно поговорил с ним, когда он в очередной раз позвонил в школу. Попросил оставить меня в покое. Эмерик подчинился, наверняка впервые в жизни. И тут-то, когда я поняла, что потеряла его навсегда, страдание окончательно захлестнуло меня. Поэтому я ослабила бдительность и вернулась к прежней рутине. Эмерик воспользовался образовавшейся брешью, его исчезновение из моей жизни было продуманной уловкой, сознательно выбранной стратегией, чтобы заставить меня сдаться. Однажды вечером, почти ночью, раздались три удара в дверь. Это был он. Меня потряс землистый цвет его лица, ввалившиеся глаза. Я задрожала всем телом.

- Уходи, - прошипела я.

Он ворвался в прихожую и набросился на меня, а у меня не было ни сил, ни желания оттолкнуть его. Мы занялись любовью прямо на полу, это был грубый, мучительный, потрясающий секс. И все началось сызнова.

Мы с ним никогда не вспоминали об этом. Я решила еще усерднее сдерживать свои порывы, избавить Эмерика от бесполезного давления. Мне не доставало

воли, чтобы угрожать ему или снова уйти от него – и это факт, с которым я вынужденно смирилась. Когда мы были вместе, я брала то, что он давал, и делала все, чтобы эти минуты были близки к совершенству. Моя жизнь была посвящена тому, чтобы удержать его, сохранить для себя. Я принципиально перестала требовать от него больше, чем он мог мне дать. Иногда в моем воображении всплывала его жена, притом что я даже не догадывалась, что она из себя представляет. Я старалась побыстрее избавиться от этих видений, отогнать их как можно дальше. Когда ревность душила меня, я напоминала себе или убеждала себя, что любовь ее мужа принадлежит мне. Я была бы рада возненавидеть ее, но у меня не получалось. Если чувство вины терзало меня так, что хотелось завывать, я мысленно перечисляла все принесенные мной жертвы. Мне бы очень хотелось не любить Эмерика так сильно, но это тоже было невозможно. Он был моим наркотиком. А я – наркоманкой, не способной отказаться от дозы.

Но вот он закончил разговаривать с домом, и я стряхнула тягостные воспоминания. Перед тем как погрузить комнату во тьму, я в последний раз заглянула в зеркало: я красива, мужчина, которого я люблю, оценит мою красоту, и мы проведем великолепный вечер. Все остальное я постаралась выбросить из головы – его другую жизнь, раздражение и ядовитые стрелы Бертий, – все это казалось мне сейчас пустой мелочью. Он ждал меня возле лестницы. Его сияющие глаза и спокойное лицо подсказали мне, что в ближайшие часы он будет со мной, и только со мной. И черт с ней, с моей гордостью.

Я положила голову Эмерику на плечо, он играл моими волосами, чтобы скрыть растерянность. Наше молчание было тяжелым, тоска уже вступила в свои права, праздник подходил к концу. Вчера казалось, что впереди у нас много дней – пусть и не вся жизнь, если говорить обо мне, – но время утекало между пальцев, и это впечатление быстро бледнело. Энтузиазм испарился. Когда мы сможем сбежать еще раз?

– Что у тебя вчера приключилось с Бертий? Вы поругались из-за нашей авантюрной затеи?

Я печально кивнула, подумала о том, что ждет меня по возвращении, и заранее почувствовала усталость. Я рассказала ему в самых общих чертах о бурной дискуссии с Бертий, умолчав, естественно, о ее замечаниях по поводу наших с ним отношений и о своей, более чем сдержанной, оценке планируемых ею изменений в школе. Потому что когда я раньше упомянула ее идею, он увлекся ею, а я промолчала, не рискнула сказать, что не согласна с ней – боялась его разочаровать. Так что я сделала акцент на последствиях отказа от летней школы. Все так же прижимаясь к нему, я повернулась на бок и погладила его небритую щеку.

– Вот мы и вернулись к реальной жизни. Жаль.

Он поцеловал мне руку, запястье.

– Я что-нибудь придумаю, чтобы нас простили. Дай мне немного времени...

В 16.45 мы уже были в танцшколе и зашли в кабинет. Он настоял на том, что проводит меня, стремясь отдалить расставание. Он просмотрел свою почту, пока я переодевалась и разогревалась. По дороге нам никто не встретился, все были на занятиях. Дверь кабинета распахнулась, и Бертий застыла на пороге, увидев нас.

– Ага... ты уже здесь?

Я подошла и поцеловала ее в щеку – не хотелось возобновлять перепалку, я предпочитала мир и спокойствие.

– Да, твой рабочий день закончен, мы вернулись пораньше, чтобы освободить тебя от моих последних уроков.

– Привет, Бертий, – прервал меня Эмерик. – Рад встрече! Как у тебя дела?

Он подошел к нам и тоже чмокнул ее как ни в чем не бывало.

- Все хорошо, - сухо ответила она.

Он словно ничего не заметил и продолжил дружеским тоном:

- Хотел поблагодарить тебя, что подменила Ортанс, мне очень неприятно, что я вот так свалился на вас в последнюю минуту, но мне удалось утрясти вопрос с рабочей встречей...

- Стоп! Не хочу ничего знать.

Он серьезно покивал, подтверждая, что понял ее мысль. Она отошла и взяла бутылку с водой, не сказав ни слова.

- Хотел бы задать тебе один вопрос, - робко попросил Эмерик.

Она нахмурилась, встретив его слова с подозрением:

- Слушаю...

- Как ты думаешь, в четверг вечером Стефан сможет оставить для нас столик? Мы уже сто лет не ужинали вместе! Я всех приглашаю!

Он придумал, как сделать, чтобы она его простила, и это была удачная идея. По крайней мере, я на это надеялась. Бертий улыбнулась, скорее не нам, а своим мыслям. Мне же она послала взгляд, в котором я уловила нечто похожее на недоумение. Что она пыталась мне сообщить?

- Думаю, это можно сделать...

- Я предупрежу Сандро, - добавила я.

Эмерик подбодрил меня заговорщическим подмигиванием.

- Ортанс, - позвала меня заметно подобревшая Бертий. - Тебе пора, девочки уже в раздевалке.

- Ты права.

Я кивнула Эмерику, позвав его за собой, и он тоже направился к выходу.

- Спасибо, что вернулась, - шепнула Бертий, когда я уже собиралась перешагнуть порог.

Я обернулась к ней с довольным выражением лица.

- Да ну, пустяки.

- До четверга, - попрощался Эмерик.

В коридоре он обнял меня за талию.

- Отлично выкрутились, согласна? - прошептал он, довольный собой.

Я легонько поцеловала его:

- Спасибо, все было великолепно...

Он ответил на мой поцелуй:

- Не хочу уходить.

Я едва удержалась, так и тянуло крикнуть: "Останься! Почему бы тебе не расстаться с ней, если тебе так тяжело без меня?!" Надежда, опять вернулась эта треклятая надежда. Однако я прикусила язык, чтобы не испортить последние минуты нашего приключения. Сейчас не время и не место требовать большего. Сделав над собой усилие, я послала ему лукавую усмешку:

- Мне и впрямь пора работать, они ждут меня!

И действительно, из репетиционного зала доносились оживленные голоса моих учениц. Перед нами как по волшебству возник Сандро и дружески хлопнул Эмерика по плечу:

- Если у тебя есть пара минут, останься и поприсутствуй! Ее последний танцевальный номер – это нечто божественное!

- Прекрати, – запротестовала я, смущенная его комплиментом.

- Нет, я серьезно! Покажи ему!

Эмерик тут же скроил рожицу капризного ребенка, против которой я никогда не могла устоять. Черт с ней, с усталостью! Но Сандро мне за это заплатит.

- Ладно! Давай, будь зрителем! Но только вы оба не мешайте мне работать.

Последний поцелуй, в последний раз его рука сжала мою талию, последний влюбленный взгляд, и я убежала. По крайней мере, я была уверена, что Сандро не скажет Эмерику ничего неприятного. Напротив, они вдвоем обычно смеялись и шутили. Мои старшенькие разогрелись, ожидая меня, и бросились ко мне с поцелуями.

- Кто-нибудь из вас готов станцевать со мной хотя бы начало? Знаю, мы с вами работаем над номером меньше месяца, но можно ведь попробовать, и я уверена, это добавит вам энтузиазма. Имеете право ошибаться, единственное требование – получайте удовольствие.

Самые уверенные в себе вышли на середину, уговаривая остальных присоединиться. Зазвучала музыка. Я была счастлива, что Эмерик смотрит на меня, я любила, когда его внимание было приковано к моему движущемуся телу, я знала, что в танце выгляжу еще более чувственно, а усталость и боль бесследно улетучиваются. Девчонки меня порадовали, я наблюдала за ними в зеркале, и мне нравилась группа, которая в нем отражалась. У них были веселые лица – они наслаждались танцем, как я и хотела. Что за счастье это видеть! Какая прекрасная самореализация!

- Продолжайте без меня, – попросила я после того, как они выстроились за моей спиной. – Я погляжу на вас.

Я следила за положением их рук, кистей, ног, за ритмом, за грацией, необходимой для номера, несмотря на его сверхмощную энергетику.

Подмеченные слабые и сильные стороны каждой из них позволили мне точно распределить между ними роли, а также наметить, над чем надо будет поработать в ближайшие недели. Я прочитала реакцию Эмерика – он был околдован и кивал в такт комментариям Сандро, не сводя с меня глаз. Интересно, о чем они говорят? Мои ученицы отошли к стенке на время прыжков, которые пока им не давались. Они смотрели, как я исполняю пируэты, непроизвольно морщась – голеностоп по-прежнему напоминал о себе, – потом снова образовали круг перед последним фрагментом.

– Вы супер! – похвалила я, гордясь ими. – Перерыв две минуты, и начнем сначала.

Я сняла со станка полотенце и вытерла лицо. Сил у меня не осталось. Почувствовав на себе взгляд Эмерика, я повернула к нему голову. Он беззвучно произнес “люблю тебя”, и я задохнулась. Надежда... Потом он знаком показал, что ему пора, приложил два пальца к губам и послал мне поцелуй, а я едва слышно выдохнула “До четверга”, после чего он ушел.

Глава четвертая

Я пришла в ресторан с Сандро – Эмерик из-за неотложных дел в последнюю минуту задерживался, как всегда, и должен был присоединиться к нам позже. Бертий сидела за кассой, а в свободные минуты помогала в зале. Она была в своей стихии в баре, ровно так же, как и в танцевальной школе. Стефан открыл ресторан три года назад. Он мечтал о собственном бизнесе и, чтобы осуществить мечту, ждал, пока наша школа полностью войдет в ритм. Все имевшиеся у них деньги ушли на вступительный взнос за аренду и в особенности на ремонт. Когда они впервые увидели это помещение, оно было настоящей конурой. Сколько слез Бертий пролила на плече у меня или у Сандро в отчаянии от мужниной затеи! Но, приложив уйму труда и стараний, Стефан сделал это место великолепным, теплым и гостеприимным, похожим на него самого. У него получилось самое настоящее бистро, с полом, покрытым цементной плиткой, с отделкой деревом и металлом, с красным цветом в интерьере, с открытой кухней, работу в которой можно было наблюдать из зала. Стены кухни были облицованы белой кафельной плиткой, а в центре красовалась колода для разделки мяса. Меня всегда приводил в восторг стук

медных кастрюль – он слышался, стоило войти в зал. Бистро Стефана выражало самую сущность хозяина – бесшабашного парижанина, обожающего незатейливую деревенскую кухню и высококачественные продукты.

Оторвавшись от кассы, Бертий одарила нас сияющей улыбкой. По крайней мере, она была рада нас видеть, наши взаимоотношения постепенно возвращались к норме. Однако я понимала, что нам с ней не избежать откровенного разговора. Нарыв придется вскрыть. Это касается, естественно, Эмерика. Ну, и школы тоже. Она все чаще делала мне мелкие упреки по поводу моего так называемого недостатка энтузиазма. Пора набраться храбрости и выложить все, что меня смущает в ее проектах, заверив при этом в своей заинтересованности в успешной работе школы. Ладно... этот разговор состоится уж точно не сегодня. Мы с Сандро взобрались на табуреты у стойки, а она поставила перед нами бокалы с белым вином, позвала мужа, который оторвался от плиты и приветствовал нас, помахав рукой, потом выкрикнул какие-то распоряжения своим помощникам и подошел к нам. Смачно чмокнул нас с Сандро.

– Что случилось, Ортанс, ты одна? – удивился он.

– Он скоро придет.

Мы чокнулись. Каждый из нас с восторгом предвкушал этот вечер.

– Ну вот, легок на помине, – пробормотала Бертий.

Действительно, Эмерик вошел в ресторан. Вид у него был озабоченный, и я беззвучно спросила у него, что случилось, но он дал мне понять, что все в порядке. Эмерик пожал руку мужчинам и перегнулся через стойку, чтобы поцеловать Бертий. Потом обменялся жарким поцелуем со мной. Ресторан Стефана был единственным местом в Париже, где он не опасался, что нас засекут.

– Что-то тебя не было в последнее время! – заметил Стефан. – Горишь на работе?

Эмерик уже не удивлялся неуместным вопросам мужа Бертий, который обладал раздражающей способностью забывать о нашем положении.

- Не слишком, - ограничился скупым ответом Эмерик.

Сандро прыснул, Бертий недовольно хмыкнула.

- В любом случае буду рад накормить вас сегодня вечером!

Он решил проверить работу, кипевшую на кухне, и нахмурился:

- Ладно, я пошел. Дорогая, я присоединюсь к вам позже.

Он, насвистывая, вернулся к готовке, и как только он снова стал к плите, мы услышали его возмущенный голос:

- Что за дела, парни, я оставил вас на пару минут, и тут уже полный бардак!

Меня растрогал полный нежности и любви взгляд, которым окинула его Бертий. Я почувствовала, как рука Эмерика гладит меня по спине, и подняла на него глаза. Он ласково улыбнулся мне:

- Все хорошо?

- Да, я счастлива, что мы сегодня вечером здесь. А ты как?

- Нормально, не беспокойся.

Бертий вышла из-за стойки и махнула нам рукой. С бокалами в руках мы пошли за ней, лавируя в заполненном зале между столиками и пробираясь к своему. Пока мы ждали, чтобы нам принесли заказанное, Эмерик расспрашивал Бертий о детях. К моему удивлению, она отвечала ему вполне дружелюбно, а потом и все более увлеченно. По сути, это было единственное, о чем они могли говорить на одном языке, поскольку Эмерик мгновенно подхватывал тему домашних заданий, или записи в колледж, или вечернего сидения с детьми, то есть всего, что касалось семьи и повседневных забот, которые он знал там, в другой жизни. Было так странно чувствовать себя исключенной из их беседы, мы не совпадали по фазе, и я сознавала, что так будет всегда, ничто и никогда не изменится. Бертий не задавала прямых вопросов насчет его детей, но ей все равно удавалось выводить Эмерика на эту тему. Впрочем, она была достаточно тонким

человеком, чтобы не ляпнуть что-нибудь невпопад. Зачем она это делала? Хотела донести до меня некую мысль? Зря старается. Мне известно, что у нее есть семья, муж, дети, и у Эмерика тоже семья – жена и дети. Я слушала их вполуха, болтала обо всякой ерунде с Сандро и приходила к окончательному выводу: Бертий терпит наши с ним отношения, но она их не одобряет и никогда не одобряла.

Если не считать последнего времени, она обычно избегала прямой конфронтации. До меня постепенно доходило, что три года она терпела, сдерживалась, даже старалась показать мне, что Эмерик ей нравится. Я вспомнила, как бесстрастно она выслушала мои объяснения насчет нашей с Эмериком связи. Я была слепа, а может, просто предпочла зажмуриться, чтобы защититься, чтобы отгородиться от реальной ситуации. Сегодня передо мной предстала голая правда. Как она, замужняя женщина, мать семейства, нестигаемая, словно само правосудие, могла принять тот факт, что я – любовница женатого мужчины? Наверняка она всякий раз ставит себя на место жены Эмерика, и сейчас, разговаривая с ним, в душе любопытствует, где она, что ей известно, и переживает за нее, а вовсе не сочувствует мне. То, как она с ним общалась, было лишь внешним проявлением вежливости. На самом деле она его не выносила, ненавидела и презирала. Эти ненависть и презрение наверняка зашкалили, когда он непринужденно положил руку мне на бедро и ласково посмотрел на меня. Она едва не испепелила его взглядом, но Эмерик этого не заметил, ведь он знал ее не так хорошо, как я. А я едва не задохнулась от злости. Кто дал Бертий право судить нас? Ей повезло встретить в двадцать пять лет милого, внимательного мужчину, и с тех пор все в ее жизни стало просто и ясно, ей уже не нужно предаваться мучительным размышлениям. Она, что ли, считает, будто я сознательно решила влюбиться в несвободного мужчину, который любит меня? Муж и сыновья обожали Бертий, она никогда не знала, что такое одиночество. Я догадывалась, что жизнь не каждый день кажется ей медом, но это вовсе не давало ей право осуждать меня, считать эгоистичной гадиной, разбивающей семью и к тому же надеющейся, как последняя идиотка, что однажды он бросит жену ради меня. Как же это все банально. И почему именно сегодня она проснулась и решила так явственно выразить свое неодобрение? Почему не сделала этого раньше? Зачем поворачивать нож в ране? Тыкать меня носом в дерьмо? Конечно, я знала, что моей жизни не позавидуешь, что она у меня скорее жалкая и грязная. Но это моя жизнь.

Я устала. С самого начала этой истории всеми своими переживаниями я откровенно делилась с Кати; со стороны Бертий особого интереса я не замечала. К тому же я хорошо знала строгость ее принципов и неуступчивость суждений.

Но сегодня вечером что-то было не так: взгляды, которыми Бертий награждала Эмерика, были, как обычно, убийственными, а когда она смотрела на меня, в ее глазах проскальзывала жалость.

- Все готово, дамы и господа! - торжественно возвестил Стефан.

Он принес тарелки и подсел к нам.

Эмерик наклонился ко мне:

- Ты витаешь в облаках. Ничего от меня не скрываешь?

Я на мгновение прислонилась к его плечу, а он поцеловал мои волосы.

- Нет, все в порядке... просто задумалась.

- О чем?

К счастью, мне не пришлось отвечать - Сандро заговорил о лете.

- Слушай, Ортанс, если мы проводим летние курсы в Париже, это не повод отказываться от краткой вылазки на юг!

- Конечно! - радостно подхватила Бертий. - Как же нам без солнца?!

Я едва удержалась, чтобы не расцеловать Сандро. Как же легко он разрядил атмосферу! Он сам не отдавал себе отчета в своем даре гасить тлеющие конфликты. Улыбки расцвели на всех лицах, включая Эмерика, - ему тоже удастся заехать на пару дней в Прованс, как каждый год.

- Я пробуду там весь август! Ты когда закрываешься, Стефан? Мы подстроимся под тебя, чтобы я освободила для вас комнаты.

Заговорив о "Бастиде", я забыла обо всем, тем более что Стефан открыл новую бутылку вина. Бертий как будто отложила на время свое недовольство и строила химерические планы, перечисляя всех, кто мог бы присоединиться к нашим

безумствам. С этого момента ужин принял оборот, на который я уже не рассчитывала. Все мы весело загомонили, перебивая друг друга, подшучивая над собеседниками, а Бертий даже развлекала Эмерика забавными историями. Как будто напрочь распростилась со своим предубеждением. В конце концов я убедилась, что мои умозаключения были продиктованы исключительно паранойей, успокоилась и наслаждалась каждым миготом этого вечера. Мы дурачились, чокались с Бертий едва ли не перед каждым глотком. Стефан и Эмерик увлеченно болтали о работе и никак не могли остановиться. Сандро валял дурака – рассказывал какие-то несусветные амурные эпопеи, слушая которые мы рыдали от смеха. Все клиенты обернулись к нашему столику, когда кондитер подал десерт – пять тарелочек с кусками великолепного торта-бизе “Павлова”, как он объявил, “в честь наших танцовщиц”. Тут поднялся Сандро и заметил, что здесь есть и танцовщик, после чего исполнил несколько па самбы. Все зааплодировали, восторженно завопили, Стефан поблагодарил своего кондитера и нашего артиста, который порадовал всех выступлением, и пошел к стойке за бутылкой особой ромовой настойки в качестве дижестива. Все вернулось в обычную колею, у меня был прекрасный вечер, такой, о котором можно лишь мечтать, с любимым мужчиной и с друзьями. Для полного счастья мне не хватало только Кати и Матье. Такие мгновения были для меня спасением, без них я не сумела бы и дальше верить, что жизнь, которую я веду, того стоит, не смогла бы убаюкивать себя иллюзией счастья. Эмерик и я одновременно подняли глаза друг на друга.

– Спасибо, что придумал эту встречу, – прошептала я.

– На здоровье. Мне очень хорошо. Так приятно делать вместе обыденные вещи.

Мы с трудом сдержали желание поцеловаться. Электрический разряд прошел нас. Эмерик едва заметно ухмыльнулся, потом снова включился в разговор.

– Сейчас вернусь, – прошелестела я ему на ухо.

Он снова погладил мое бедро, перед тем как отпустить. У лестницы я оглянулась и посмотрела на него, внезапно почувствовав себя некомфортно. Ошибаешься, Эмерик, это не называется обыденной жизнью. Вечером мы займемся любовью, после чего ты за пятнадцать минут придешь в себя, обрызгаешься парфюмом и вернешься спать под боком у жены, тогда как я засну в постели, из которой еще не выветрился запах наших объятий.

Я стала спускаться, полуобернувшись к Эмерику.

И сразу поняла, что зря была недостаточно внимательной. Мой высоченный каблук сорвался со ступеньки, и я полетела вниз, словно наблюдая со стороны за своим телом, существующим отдельно от меня. Я тщетно пыталась как-то затормозить движение, но пальцам не за что было ухватиться, они бессмысленно цепляли воздух. Мне чудилось, что падение длится бесконечно долго. Когда оно закончилось, это не положило конец моим мученьям, я почувствовала, как щиколотка – чертова щиколотка, достававшая меня уже несколько недель, – подворачивается, выкручивается и застывает под совершенно ненормальным углом, не сумев противостоять падению. Я проклинала себя за то, что до сих пор не обратилась к ортопеду. Я услышала хруст, словно рвали ткань, и закричала от боли. Стукнувшись головой о стену, я окончательно приземлилась на копчик. В таком положении я оставалась, как мне показалось, целую вечность, вцепившись одной рукой в ступеньку, а другой в стену. Вдалеке раздался шум отодвигаемых стульев, зазвучали испуганные крики. Я подняла голову и поняла, что пролетела практически всю лестницу. Там, наверху, надо мной, царила неразбериха, я была оглушена, но разглядела бросившихся ко мне друзей и Эмерика, а затем и бледное как мел перепуганное лицо Стефана, который остался в зале. Сандро первым оказался рядом, выругался на родном языке и переступил через меня. Бертий загородила проход Эмерику, остановившись на ступеньку выше, и нежно провела рукой по моему лбу:

– Ортанс, ты меня слышишь? Скажи что-нибудь...

Я вся дрожала и всхлипывала, по лицу катились слезы.

– Ужас, – с трудом выговорила я. – Моя... моя нога...

Она опустила голову и увидела мою вывернутую ногу.

– Черт... Стефан! – заорала она. – Готовь лед, Эмерик, подымись к нему и поставь на кухне стул. Где-нибудь, где на него не будут наткаться!

– Но...

– Не спорь.

Немного поколебавшись, он пошел выполнять ее распоряжение, не понимая, что делать и куда себя девать. Я почувствовала, как Сандро снимает с меня туфли, скривилась от боли и изо всех сил зажмурилась. Надо держаться. Реветь нельзя.

- Ортанс, ты не можешь здесь оставаться. Нужно подняться наверх. Мы поможем тебе встать.

- Не знаю, смогу ли удержаться на ногах... Я так испугалась...

Моя щиколотка раздулась, увеличившись в объеме вдвое, кожа краснела на глазах... Ногу словно резали ножом... Слезы неудержимо катились по щекам, я не могла их остановить. Бертий сжала в ладонях мое лицо, чтобы помешать потерять сознание.

- Посмотри на меня, - мягко уговаривала она.

Я послушалась. Ее взгляд обволакивал, успокаивал, придавал уверенности. Я цеплялась за него, словно за спасательный круг.

- Все позади. Мы с тобой. Ты же не можешь вечно лежать на лестнице у сортира. И там, наверху, ждет Эмерик. Мы отвезем тебя в больницу...

- Только не это! - задохнулась я.

Нельзя же всех напугать и навесить такой груз на Эмерика. Я отчаянно мотала головой из стороны в сторону, несмотря на боль, молотками стучавшую в висках.

- Все пройдет, надо подождать совсем немного, и все пройдет!

Бертий прищелкнула языком, что было у нее признаком сильнейшего раздражения. Наверняка догадалась о причинах отказа. Но моя паника заставила ее уступить:

- Но это же правда неразумно. Ладно, будь по-твоему... Тебе еще где-то больно?

- Нет, все нормально... только немного саднят ягодицы, чуть-чуть руки и стучит в висках. Надо же, что я устроила!

Она ощупала мою голову, нашла место, которым я стукнулась.

- Изрядная шишка. Ладно, пора двигаться.

Сандро просунул руки у меня под мышками и поднял меня.

Я автоматически поставила поврежденную ногу на пол и еле сдержала вопль, уткнувшись ему в плечо:

- Я не смогу. Не могу идти.

- Я понесу тебя на спине.

Нести на руках не позволяла узкая лестница, так что другого выхода не было. Он повернулся ко мне спиной, я обхватила руками его шею. Он поднял меня, как будто я ничего не весила, стараясь не задеть моей ногой стену. Бертий поднималась первой. Я не заметила ни как мы шли по лестнице, ни как пересекали зал ресторана. У меня кружилась голова. Я с трудом разомкнула веки, только когда мы добрались до кухни. Перепуганный Стефан встретил нас и повел в угол к стулу, пряча глаза, Эмерик растерянно смотрел на меня. Я впервые видела его таким – выбитым из колеи, не знающим, что делать. Нужно было его успокоить. Но мне было совсем плохо, и я ничего не соображала. Сандро осторожно усадил меня на стул. Подошел Эмерик.

- Но, Ортанс... послушай, как ты ухитрилась такое сотворить?

Я ожидала чего угодно, но не этого вопроса.

- Эмерик, ты считаешь, сейчас время для расспросов? – оборвала его Бертий. – Подержи ее ногу, а я приготовлю пакет со льдом. Ей нельзя ставить ногу на пол.

Он присел на корточки и осторожно взял в руки мою икру. Он явно боялся дотрагиваться до меня.

- Да я не знаю... Я не нарочно.

- Догадываюсь, - пробормотал он. - Извини... я...

- Подвинься, - резко потребовала Бертий.

Сандро сменил его, и Эмерик стал рядом, ласково глядя меня по волосам, нежно успокаивая. У Сандро было озабоченное выражение лица. Бертий протянула ему лед.

- Сейчас тебе станет легче, - сказала она.

- Я знаю, но...

От жгучего прикосновения льда у меня перехватило дыхание. Нужно было помочь гематоме рассосаться, не дать щиколотке раздуться еще больше. Боль была нестерпимой, она сверлила, пронзала, словно лезвия бритвы, которые загоняли под кожу. Снова набежали слезы, и я прижалась лицом к Эмерику.

- Ортанс, мне так жаль, это я во всем виноват, - ошаршил меня Стефан.

От его невыносимой реакции я на время забыла о своих муках, подняла голову и поискала его глазами - он стоял в стороне и грыз ногти.

- Ну что ты такое говоришь, при чем здесь ты?

- Я сто лет назад должен был сделать перила на этой убийственной лестнице! Рано или поздно такое должно было случиться. Прости меня... черт, черт, черт! Вот ведь как не повезло!

Бертий подошла к мужу, который кружил по кухне, не прекращая упрекать себя, и любовно погладила по руке.

- Прекрати, Стефан, я сама была невнимательна, - сказала я. - Тащи скорее свою целебную ромовую настойку, мне сразу станет легче!

Бертий послала мне благодарный взгляд.

– Да и вообще это полная ерунда, – продолжила я, поймав кураж, и даже почти сумела засмеяться. – Завтра буду скакать, как коза!

Никто из присутствующих не поверил ни единому моему слову. Никто, кроме Эмерика, который явно успокоился. С момента нашего знакомства я всегда старалась скрывать усталость, и у меня не было ни одной серьезной травмы. Иногда, конечно, что-то побаливало то там, то тут, но никогда ничего такого, как сейчас, когда мне, возможно, грозила полная неподвижность. Я чаще задышала, страх проникал в вены словно яд. Я нутром чужала, что дело плохо. Я не просто споткнулась на лестнице. У этого падения будут последствия.

– Прекрасно! – воскликнул Эмерик. – Выспишься как следует, и тебе станет легче. Я отвезу тебя домой.

Я подумала, что Бертий пристукнет его на месте; Сандро поднял к нему изумленные глаза, продолжая прижимать лед к моей ноге.

– Спасибо за предложение поработать таксистом, – пробурчала Бертий, подходя к нам. – Ты сможешь побыть с ней сегодня ночью?

Он побледнел и стал что-то мямлить. Вот она, последняя капля, я была окончательно раздавлена.

– Бертий, прошу тебя, – умоляла я. – Он здесь ни при чем, не нападай на него хотя бы сейчас.

Она проигнорировала мои слова и продолжила:

– Ты же понимаешь, что ее нельзя оставлять одну, нужно помочь ей лечь в постель, положить лед на щиколотку, а еще следить за тем, что происходит с гематомой... Хочу напомнить, Ортанс – профессиональная танцовщица, так что ее голеностопный сустав не просто помогает ей утолять свою страсть, он – ее орудие производства... Итак, Эмерик, повторяю свой вопрос: ты можешь заняться ею сегодня ночью, да или нет?

- Но... она же сама только что сказала, что все не так серьезно...

- А ты поверил, да? Понятное дело, тебе это не кажется серьезным, но разве ты не понимаешь, как она мучается и как ей страшно? Ты же ее знаешь и должен бы догадаться, что она не хочет нас волновать. Ортанс - она такая, на случай, если ты не в курсе.

Он повернулся ко мне за поддержкой, я опустила голову. Бертий была права. Да, я мучительно нуждалась в нем сегодня ночью. Он присел на корточки возле меня, положил ладонь мне на щеку.

- Я... Ты же знаешь, я бы хотел остаться и позаботиться о тебе... но... я не могу. К тому же уже поздно... Мне очень жаль. Я могу отвезти тебя... но... но...

Добро пожаловать в реальность. Если бы он постарался, то обязательно бы что-нибудь придумал и остался. Всего один раз. Я много не прошу, пусть хотя бы один раз он сочинит ложь покрупнее, чем обычно, чтобы помочь мне. Но, судя по всему, это требовало от него сверхчеловеческого усилия. Я проглотила и слезы, и отчаяние, наклонилась к нему, прижалась губами к его губам.

- Я знаю, тебе надо домой, ничего не поделаешь, - успокоила я его. - Я разберусь сама... и, честное слово, действительно ничего серьезного.

- Но мы-то все тут, - перебил меня Сандро. - Бертий, ты поедешь с ней?

- Конечно.

- Ну а я догоню вас на скутере.

Я попыталась найти силы, чтобы успокоить их, сказать, что справлюсь сама, но мне не хватило смелости, я не хотела и не могла оставаться наедине с собой. Эмерик изо всех сил старался поймать мой взгляд, и мне было трудно вынести его смятение. Безусловно, у него не оставалось выбора, он должен был меня бросить, но я так нуждалась в том, чтобы он обнял меня, прижал к груди, сказал, что все будет хорошо.

- Скажи, что я могу для тебя сделать? - спросил он.

- Помочь встать, – ответила я, и мои слова прозвучали суше, чем мне хотелось.

Дорога домой стала моим крестным путем. Я стиснула зубы, чтобы не стонать при каждом толчке, увеличении скорости или торможении. В зеркале я могла следить за Эмериком, он нервничал, и моих жалких полуулыбок было недостаточно, чтобы его успокоить. Мы приехали, и Бертий сразу распахнула дверцу машины, а я оставалась на заднем сиденье, стараясь, чтобы нога ничего не задела, и чувствуя, как после поездки дает о себе знать ушибленный копчик. Эмерик все так же неуклюже попросил у Бертий разрешения помочь мне выйти из машины – будь я в лучшей форме, я бы посмеялась над ним сквозь слезы. Никогда раньше он не был таким сконфуженным. Он протянул мне руки, я за них схватилась, он донес меня, как невесту, до двери, открытой Сандро, я уткнулась носом ему в шею, а он тихонечко шептал мне “прости” при каждом шаге.

- Поставь меня, – распорядилась я, когда мы добрались до лестницы.

- Но почему?

- Прошу тебя...

Он подчинился, я старалась устоять на здоровой ноге, а он поддерживал меня, обхватив за талию.

- Поезжай, мы разберемся. Ты сам сказал, что уже поздно, к тому же ты все равно не можешь остаться... Так что иди.

- Мне очень...

- Ш-ш-ш... ты уже говорил. Поцелуй меня и беги.

- Давай, пошли, – прервала наш диалог Бертий. – Тебе нельзя так долго стоять.

- Ты права.

Эмерик с перекошенным лицом наклонился ко мне и очень крепко прижал свои губы к моим.

– Я тебе завтра позвоню.

Его сменил Сандро, взяв меня на руки.

– Ничего себе, нельзя трескать столько шоколада!

Я расхохоталась. Какое счастье, что он здесь и может разрядить атмосферу.

– Двинулись! – объявил он.

Я бросила последний взгляд на Эмерика, который пятился, не сводя с нас глаз. О чем, интересно, он думал, видя меня, страдающую, на руках у другого мужчины? Сможет ли он заснуть сегодня ночью? Станет ли искать успокоения в ее объятиях? Нельзя об этом думать. Бертий шла впереди, следом Сандро нес меня, и я потеряла Эмерика из виду. Гнетущая тишина накрыла нас. Сандро был весь внимание, стараясь, не дай бог, не споткнуться и не повторить мой подвиг. Хватало и одного раненого на вечер. Я хотела бы облегчить ему подъем, но это было невозможно. От боли меня тошнило, ныло под ложечкой, я балансировала на грани обморока. Как бы я хотела, чтобы мучения прекратились, однако догадывалась, что это только цветочки и все еще впереди.

Мягкое освещение квартиры было для меня словно защитный кокон, и на время мне стало как будто немного легче. Бертий раскидала на моей кровати подушки и подушечки. Сандро осторожно положил меня, после чего обессиленно свалился в кресло. Бертий тут же протянула мне большой стакан воды с растворенной таблеткой обезболивающего.

– У тебя есть лед в морозилке, сейчас я принесу. Что еще тебе сделать? – спросила она.

– Спасибо... Как тебе сказать... Мне бы наконец-то попасть в туалет.

Оба они в изумлении уставились на меня, а потом разразились хохотом. Невыносимое напряжение в мгновение ока рассеялось. Мы ненадолго поверили,

что все уладится.

Полчаса спустя я уже была готова ко сну, моя нога покоилась на подушке, рядом со мной лежал запас льда. Я изо всех сил сдерживалась, чтобы не показать им, как мне больно.

– Идите домой, вы устали, я справлюсь сама. Честное слово!

– Я-то останусь, даже не пытайся торговаться, – ответил Сандро. – А вот ты, Бертий, возвращайся к Стефану и мальчикам и ложись спать.

Я кивком подтвердила, что она может идти. Бертий вызвала такси и присела на кровать рядом со мной.

– Ортанс, я уступила тебе с больницей, но, можешь поверить, жалею об этом. Ты обязательно должна пойти к врачу прямо с утра.

– Посмотрим.

– Не валяй дурака! Ты видела, что с твоим голеностопом? Чего ты хочешь добиться? Чтобы стало еще хуже? Я не позволю тебе, и не надейся! Завтра позвоню Огюсту, пусть пришлет своего врача. Это даже не обсуждается.

– Она права, – поддержал Сандро. – Судя по виду этой штуковины, ты как минимум порвала связку.

На лице Бертий было написано, что она согласна с диагнозом. Значит, нас трое, тех, кто так думает. К тому же они не знали, что моя нога уже много недель шлет сигналы тревоги. Я боролась с подступающим страхом, но он был сильнее, и я ничего не могла с ним поделать. Я пыталась успокоить отчаянно стучащее сердце. Ни за что нельзя показывать, как я напугана.

– Давайте выслушаем врача, прежде чем паниковать, хорошо?

Она встала и нежно поцеловала меня.

- Спасибо, Бертий.

Она открыла рот, чтобы ответить, но спохватилась. Я смутно догадывалась, о чем она собиралась заговорить. К счастью, в последнюю минуту она решила пощадить меня. На сегодняшний вечер.

- Поблагодари от меня Стефана и, главное, скажи ему, пусть перестанет грызть себя. Я и только я виновата, что упала.

Она мне улыбнулась, поцеловалась с Сандро и умчалась к своей семье.

Сандро ушел в ванную, а я, морщась, приняла более удобную позу и на несколько минут погрузилась в созерцание потолка. Я была без сил, у меня все болело, даже зубы, которые я стискивала, чтобы скрыть свои мучения. Я понимала, что уснуть мне будет нелегко. Эмерик забыл прислать традиционную эсэмэску. Этот вечер так и останется странным до конца. Впрочем, может, оно и к лучшему – не придется терзаться из-за невозможности ответить ему, а ведь мне так хотелось поделиться с ним своим страхом, паническим ужасом, который охватывал меня при мысли о том, что может быть с ногой. Мне бы так хотелось вдоволь выплакаться у него на плече, чтобы стало легче, опьянеть от бесконечных слез и уснуть, прижавшись к нему. Он был нужен мне. Его со мной не было.

Мое тело – мой самый верный союзник, я всегда в него целиком и полностью верила, и оно меня ни разу не предавало. Я была к нему внимательна, заботилась о нем, оно было моим рабочим инструментом, как объяснила Эмерику Бертий, более того, мое тело – это я сама. С самого раннего детства оно делало меня счастливой, было моим оборонительным оружием для борьбы с печалью, помогало жить и выражать себя. Оно помогло мне не сломаться после утраты родителей, я цеплялась за него, чтобы удержаться на плаву, справиться с горем, сохранить какие-то силы. Я и представить себе не могла, что оно вдруг подведет

меня, покажет, что у него тоже есть свои слабости. Мне казалось, что я погибаю. Последние два с лишним часа, когда меня носили и перекладывали с места на место, были нестерпимы. Зависимость вгоняла в отчаяние. Сегодня вечером, принимая во внимание состояние моего голеностопа, другого выбора у меня не было, но мне казалось, что я вдруг стала вещью, что обо мне говорят так, будто меня здесь нет, и никто не спрашивает моего мнения. У меня чудесные друзья, я знала, что они возьмется со мной не по принуждению, но я отказывалась висеть на них мертвым грузом. Меня сводила с ума сама мысль о том, что они должны будут следить за мной, заботиться, как о больной, беспомощной. Не важно, что на меня свалится после визита врача, я разберусь со всем без их помощи, ни о чем не прося.

- Эмерик прорезался?

Я вздрогнула: погрузившись в мрачные размышления, я даже не заметила, как Сандро вышел из ванной.

- Нет.

Он подошел к кровати, держа в руке новый мешок со льдом.

- Можно мне поднять одеяло?

- Перестань валять дурака, не то рассмешишь меня, а мне смеяться больно.

- Ладно-ладно, буду паинькой.

Его выражение лица – сосредоточенное, слишком, пожалуй, сосредоточенное для Сандро – сказало мне о многом. Он придерживался ровно того же мнения, что Бертий. Эмерик только что утратил некоторое количество очков даже в глазах Сандро. И ему нелегко будет набрать их снова. У меня не осталось желания спорить по этому поводу, я и так была достаточно подавлена.

- А теперь постарайся поспать, – распорядился Сандро. – Я прилягу на твоём диване, позовешь, если что-то понадобится.

- Как она? – Я мотнула головой, указывая на свою щиколотку.

- Не очень.

Глава пятая

Утром меня разбудил Сандро. Огюст приедет за мной через час, сообщил он. С виду никакого улучшения не наблюдалось, и вдобавок мои руки и ноги покрылись весьма выразительными крупными синяками. Я очень устала – из-за сильной боли и тревоги мне удалось заснуть только на рассвете.

Огюст ждал на улице возле такси. Он пошел нам навстречу, держа в руке трость – она ему была ни к чему и служила исключительно частью образа денди. Он сохранил привычку к ней со времен преподавательской деятельности. Этот пожилой господин, славящийся легендарной элегантностью, всегда умел подчеркнуть свое изящество и стройную фигуру. Я сразу догадалась, что он очень сердит, и виновато съежилась. Он постоянно предупреждал нас о необходимости быть внимательными и избегать “кульбитов” как на работе, так и в повседневной жизни. Он оглядел меня с ног до головы, увиденное ему не понравилось, и на его лице появилось полуогорченное, полуироничное выражение. Не обращая внимания на меня, он обратился к Сандро:

- Помоги мне посадить ее в машину и беги в школу. Я с вами свяжусь.

Я не закатила истерику только потому, что это был Огюст: опять это ощущение бессилия и исключенности из игры. Я впиалась ногтями в руку Сандро, который подавил смешок. Он помог мне устроиться на заднем сиденье, ободряюще подмигнул и захлопнул дверцу. Стоя возле моего окна, он смеялся с Огюстом. Вскоре тот сел вперед, рядом с водителем. Я окончательно почувствовала себя дрянной непослушной девчонкой, которую поставили в угол.

- Поспи немного, – вот и все, что Огюст мне сказал.

После этих слов он, негодуя, замолчал. Моя глупость и неуклюжесть бесили его. Движения пальцев, постукивающих по набалдашнику трости, были достаточно

красноречивыми. Если бы Огюст мог меня стукнуть, это принесло бы ему облегчение. Раздражение не помешало ему завести предельно вежливую беседу с водителем и при этом величественно игнорировать меня. Я точно знала, куда он меня везет. Сандро и Бертий уже побывали там, а я до сих пор счастливо держалась на почтительном расстоянии от этого места. Интересно, как мне это удавалось? Скорее всего, до вчерашнего дня я ухитрялась уберечься от худшего или, если получала травму, успешно ее от всех скрывала. Огюста хорошо знали в старой частной клинике на окраине западного пригорода Парижа. По рассказам, она стояла посреди парка и была уже не первой свежести. Выбора мне не оставили, и я постепенно расслабилась и даже задремала.

Дверцу открыл санитар, он протянул мне руку и помог выбраться из машины. Как только я вышла, он подкатил кресло на колесиках. Я раздраженно посмотрела на Огюста, который ответил мне кривой садистской ухмылкой. Он насмеялся надо мной и одновременно наказывал за неосторожность. Я подчинилась и с ворчанием плюхнулась в кресло.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

Зигмунд Фрейд. Психопатология обыденной жизни. Перевод под ред. М. Терешинной. (Здесь и далее – прим. перев.)

2

Псевдоним ирландского музыканта Патрика О'Лири.

3

От франц. la bastide – старое название усадебного дома в Провансе, а также укрепленный средневековый город на юго-западе Франции.

4

Шукеты – шарики из заварного теста, посыпанные сахарной пудрой.

Купить: <https://tellnovel.com/anes-marten-lyugan/odnazhdy-ya-stancuyu-dlya-tebya>

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)